

Б И Б Л И О Т Е К А

ISSN 0132-2095

ОГОНЁК

№ 23

1986

Михаил ГОРБУНОВ

М О С К В А

ИЗДАТЕЛЬСТВО

«П Р А В Д А»

СТРАНИЦЫ ЛЮБВИ

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 23

Михаил ГОРБУНОВ

СТРАНИЦЫ ЛЮБВИ

Москва. Издательство «ПРАВДА».
1986

Михаил ГОРБУНОВ

Михаил Николаевич Горбунов родился в 1924 году в г. Уральске Уральской области. В начале Великой Отечественной войны работал на оборонном заводе, затем ушел на фронт.

В 1961 году окончил Литературный институт имени А. М. Горького.

Поэт, прозаик. Автор сборников стихотворений и поэм «Воздаяние нежностью», «Тревога», «Твой черед» и т. д., романов «Долгая нива», «Жаворонок, жаворонок, прилети», повестей и рассказов.

Награжден орденами и медалями.

Член КПСС.

Член СП СССР.

Он проснулся и некоторое время лежал со смеженными веками — перед ним с удивительной четкостью стояло видение сна, от начала до конца.

Вот он идет в длинной белой одежде по залитой солнцем тропе среди созревшей ржи и потонувших в ней деревьев — яблонь и груш. Ветви их отягощены налитыми соком, источающими нежный аромат плодами; в шатрах крон непрерывно спуют птицы, и их пение хрустальным перезвоном поднимается в голубое небо. Он слушает мелодию дня, улыбается небу и солнцу, но вот опускает взгляд к тропе и вдруг видит белое-белое, крупное, как жемчужина, зерно.

Тут же перед ним возникает старец — голова его седа, а глаза мудры, и в них нет робости перед тем, кого он встретил на полевой тропе.

— Подними зерно, — говорит старец и протягивает руку вдаль. — Зарой в землю, вон там, под горой, у реки, и жди, когда прорастет. Тогда ты будешь счастлив...

Что может значить этот сон?

Он открыл глаза и призвал к себе друга и слугу, спутника дальних странствий старика Иоахима. У того не было тайн в природе: Иоахим умел разгадывать небесные знаки звезд, понимал птичий говор и шепот трав, глухое молчание ночи и праздничное свечение дня.

— Что может значить твой сон? — переспросил старец. — Сын мой, твой сон — предвестник большой радости. Белая одежда — чистота твоих мыслей и желаний. Золотистая рожь и наливные плоды — богатство и счастье твоей страны. Это все у тебя есть. Но вот белое зерно, которое ты нашел... Крупное, как жемчужина, зерно... Ты зарыл его в землю?

— Да, я зарыл его.

— Оно взойдет чудесным даром твоему народу.

В то же утро император со свитой отправился на охоту. Послушный конь взбирался на теряющиеся в вековых буках уступы гор, спускался в окутанные туманом доли. Вдруг охотники увидели оленя. Он стоял на высокой скале, необычно крупный и величавый, с богатырски раскинутыми рогами и золотистой дорожкой по темно-бурой спине.

Завидев зверя, залаяли собаки, бросились к нему. Олень вздрогнул, оглянулся на людей и собак и неожиданно сильным летящим прыжком соскочил со скалы — лесная чаща поглотила его. Собаки кинулись в погоню, охотники поспешили вслед, с трудом продираясь через встававшие на их пути камни, стволы, валежины, вниз, к реке. Тут слух императора уловил пронзительный собачий визг, а вслед за тем донесли крики охотников:

— Сюда! Сюда!

Он подъехал и увидел бьющий из земли ключ. Озерцо воды вокруг него дышало паром, собаки, скуля, зализывали себе лодыжки.

— Ваше величество, собаки ошпарились. Вода, как кипятки!

«Странно,— подумал император,— сколько здесь охочусь, никогда не встречал этот...» — и он нашел нужное слово,— гейзер...» Он вспомнил о теплых целебных источниках Франции. А что если и этот гейзер выносит из земли лечашую воду? Так вот он, дар, который явился ему во сне: жемчужное зерно проросло этим чудесным фонтаном! Сколько же прибавит он к его славе, к богатствам его земли! И всего один олений прыжок...

Так думал чешский король и римский император Карл Четвертый, оказавшийся со своей охотничьей свитой во впадине меж гор, где течет река, издавна звавшаяся Тепла... Вернее, так утверждает легенда, фатально распространенная романтическая версия возникновения в Чехии, в северо-западной части Богемского королевства, ныне всемирно известного чехословацкого курорта Карловы Вары. Разумеется, это лишь легенда — из рода мифов, которыми не окружен редкий курорт, редкая горная вершина либо река. Нужно прислушаться также к словам чешского историка Франтишека Палацки о характерной черте Карла, любившего «объединять свое имя с уникальными явлениями, как природными, так и искусственно возводимыми в Чехии». Но предание независимо от официальной истории живет в различных, правда, вариантах: со сном императора и без сна, со стариком Иоахимом и без него, с ошпаренными собаками — и с ошпаренным оленем, живет, войдя в сюжеты картин, настенных росписей, скульптур, и его духовное значение непрерываемо. На отвесной скале, нависшей над городом, «той самой», давно поставлено бронзовое изваяние оленя, будто готового ринуться вниз, к реке, а сама ставшая природным пьедесталом каменная розовато-бурая глыба вместе с творением рук человеческих именуется «Олений прыжок»... И называли источник, говорится в легенде, Гейзером — по-чешски: Вржидло. А поселение Вары получило название Карловых.

Определенно известно: город основал Карл Четвертый. Как бы следуя тому, несколько романтическому духу, что заложен и в легенде, датой основания города называют год 1358-й, когда император поставил возле источника охотничий замок. Но есть резон относить эту

дату к году 1370-му: в том году императорским указом в Нюрнберге небольшому поселению Вары дан был титул королевского города с вытекающими отсюда привилегиями и перспективами. В указе том город именовался Карлсбадом.

А между тем вслушайтесь: Вары... Незамерзающая зимой река Тепла... Разве не ясна очевидность «истоков» этих выразительных на слух, кажется, даже на запах, на ощущение горячей воды — названий... Или живописно разбросанные по холмам и долинам рек городки и поселения: Даловице, Драговице, Тугнице, и чуточку дальше — Остров, Ходов, Божичаны... Наконец, главная текущая здесь река — Огрже и еще один город — Страж... В этих городах сохранились целые порядки старых каменных, с крохотными, наподобие бойниц, оконцами домиков под черепичными крышами, в которых еще живут, но которые не что иное, как музейные реликвии: на них укреплены таблички с указанием века постройки — шестнадцатый, семнадцатый, восемнадцатый... Сохранились обводные оборонительные валы, а на вершинах обрывистых возвышений, над самыми теми древними улочками, над крохотными торговыми площадями — развалины старых крепостей. Когда видишь все это, история проступает, как первый прекрасный слой живописи сквозь позднейшие, продиктованные предубеждением и корыстью смутные пласты, легко обозначаются славянские корни этой земли, постоянная борьба с «варягами» — Страж, Огрже, река, служившая естественной оградой славянских земель... Велась военная оборона, оберегалась вера. В самом поселении Вары чешский дворянин Грознат почти за три века до сооружения охотничьего замка Карлом заложил монастырь «в пику» саксонскому цистерцианскому монастырю — духовной цитадели давно ведшейся немецкой колонизации местных земель. Самые тяжелые ее времена настали в правление последних отпрысков чешского княжеского рода Пржемысловичей, открывших внешние ворота в Поогржье...

А Карл? Его статуи из серого песчаника, поставленные в городе, не говорящие, заметим попутно, о взлете творческого вдохновения ваятелей, кроме, может быть, скульптуры (неизвестного автора!) первой половины восемнадцатого века, установленной на стене Народной библиотеки, полны какого-то тихого благочестия; даже «держава», долженствующая олицетворять безграничную власть монарха, выглядит в руках Карла совсем безобидно, словно мячик, который вздумал поиграть император.

Но на самом-то деле? Помышлял бы выходец из династии Люксембургов, буде все так и случись, как гласит легенда, о «даре» своему, то бишь чешскому, народу?.. Не станем глушить высокий глагол легенды характеристикой, «выданной» Карлу Четвертому Марксом... Известно, что, стремясь превратить Чехию, объявленную

наследственным владением Люксембургов, в самое сильное государство империи, он пекался об утверждении могущества своего дома, а, укрепляя королевскую власть, особое покровительство оказывал, однако же, немецкому патрициату. И город все-таки назвал Карлсбадом... Не есть ли основание Карлсбада одним из пунктов неутомимых усилий монарха, направленных, как писал о том Карл Маркс, к тому, чтобы «... расширить за счет империи свои наследственные владения и фамильные поместья?»

Пусть будет так! Владыки смертны в отличие от накопленных ими богатств, вещных и духовных, которые, пройдя чреду преемников, в конце концов становятся национальным, и более того — народным достоянием. В этот ряд надо поставить и Карловы Вары. И не стоит ли отдать должное просвещенному — это общепризнанно — монарху хотя бы за то, что во времена, когда средневековый взгляд на курорт как на публичный дом еще чуть ли не преобладал над гуманистической позицией, возрождавшей античное отношение к минеральным источникам как к средству лечения недугов, он выбрал последнюю. Позабудем сейчас о побуждениях императора «с мячиком», вняв хотя бы тому факту, что и революционер Карл три года подряд, когда состояние его здоровья требовало неотложного лечения водами Вржидло, приезжал в город, основанный Карлом-императором. Кстати, известно, что Маркс, лечась в Карловых Варах, бывал на фарфоровой фабрике в Доуби, где наблюдал труд рабочих-ремесленников, и это дало ему материал для определенных экономических выводов.

Долгое время город был всего горсткой домиков с острыми крышами и зелеными ставнями, угнездившихся в стороне от дорог и торговых центров у подножий скалистых гор по излучине Теплы, по обе стороны поставленного Карлом замка. Вржидло бурлил и поднимал клубы пара. Стояла деревянная постройка — купальня: в то время воду еще не пили, в ней именно купались. Ванные комнаты были устроены и в домах предприимчивых горожан, вода поступала в них по расходящимся от Вржидло деревянным желобам... Большая же часть жителей занималась все же издревле развитыми здесь ремеслами, и немногие посетители курорта увозили с собой тонкой работы ножи и вилки, оловянную посуду, ружья и пистолеты, о которых тогда уже шла слава, и не менее известные карлсбадские... булавки. Пожары, наводнения, эпидемии, грабежи, войны — все прошел город, погибая и возрождаясь.

Он рос и рос по мере умножения известности его целебных источников — посещение Карловых Вар стало модным среди европейской аристократии. И тогда-то, предвидя неслыханные от того выгоды, свои и чужие предприниматели стали ставить вокруг Вржидло дома для сдачи под пансионаты и гостиницы. Сейчас, гуляючи вдоль Теплы по главной магистрали города, представляешь себе ту строительную

лихорадку по домам, соревнующимся друг с другом в замысловатости архитектуры и отделки, в кокетливости башенок, лепных фризов, балконных решеток, видишь, как дороги были места застройки: дома разного масштаба, разной высоты, разного убранства, обусловленных, конечно же, наличием их владельцев, стоят стена к стене, как бы сплющены один другим, уместившись на считанных метрах земли, а нередко — уже по склонам гор, на «пяточках» стесанных скал.

Сразу же после пожара 1759 года в город приезжает Ян Иржи Пупп, первый из династии предпринимателей, открывших «новую эру» в застройке Карлсбада. На месте устаревших «Мельничных бань» строится первое курортное здание. Строится чугунная колоннада вокруг Вржидло (упомянем здесь, что она была разобрана и увезена в Германию сразу же, как город оказался под фашистской пятой) — наезжавшим сюда знатым гостям не приличествовало пить воду (теперь ее уже и пили) под открытым небом, не всегда ласковым в здешних местах. В угоду им исчезли и вечно копошившиеся у источников старушки — они подрабатывали тем, что наполняли водой чашки не желавших сгибаться пациентов: встарь было в обычае выпивать до нескольких десятков чашек воды, что теперь невообразимо... Старушек заменили молоденькие девушки в белых, напоминавших халаты сестер милосердия одеждах. На одной старой картине так все и изображено: бьет гейзер, окутываясь паром, уходя под чугунный, изящного плетения купол, вокруг волно и, чувствуется, надолго расположились в креслах надменные, веселые кавалеры, изысканные, лукавого вида дамы, впорхнувшие под гостеприимную сень Карлсбада не ради скучных лечебных процедур; и вот те самые девушки, подставляя под опадающий кипящий фонтан чаши посредством длинных шестов, с грациозным поклоном подают их гостям...

В самый канун первой мировой войны в строительстве Карловых Вар был как бы положен последний венец, или, выражаются более сентиментально, пропета лебединая песня: в таком виде город и дошел до нас, если не считать сооружений последних лет, характерных для принявшего истинно планетарные масштабы урбанистического стандарта... Тогда над всем городом, уже поднявшимся от Теплы, от тесно застроенных улочек на склоны, над отелями, лечебными зданиями, ванными корпусами, над всем курортным ареалом, в вышине, как раз напротив розово-бурого отрога «Оленьего прыжка» (с этой точки, позволяющей дать широкую, впечатляющую перспективу, оно обычно и фотографируется), встало огромное светло-серое, похожее двумя боковыми остроконечными башнями на средневековый замок, здание санатория «Империял». Архитектором его был француз Эрнест Эббар, который при финансистах лорде Вестебери и бароне Олливейра все же оставил в своем творении тяжеловатый след французской готики.

Сейчас странно видеть в вестибюлях, в длинных, вследствие изгиба здания не просматриваемых из конца в конец коридорах картины, изображающие иллюминированные балы съехавшей со всей земли знати среди каштанов во дворе «Империаля»... Здание стоит, каштаны цветут, но все здесь сейчас скромнее, вернее, деловитее, все подчинено истинному назначению лечебного учреждения. После разгрома фашистской Германии и освобождения Чехословакии санаторий, в котором долечивали свои раны те, кто и принеся сюда свободу, был вообще отведен для лечения советских граждан. Тут кусочек нашей земли с родной речью, с родными, бывает, песнями, с милыми лицами, с привычными порядками, разумеется, все же подчиненными параграфам предоставляемого «второй стороной» административного и лечебного обслуживания. Вообще требований много, хотя и бесконечно дружественного, «монастыря», в который не принято ходить со своим «уставом»...

Отсюда, с высоты «Империаля», Карловы Вары как на ладони... Отсюда и «есть пошли» эти записки.

2

В старом курортном проспекте сообщается, что официально лечебный сезон в Карлсбаде длится с 15 апреля по 1 октября. «Но публика, — говорится далее, — может пользоваться источниками в продолжение всего года. Конечно, зимой Карлсбад теряет свой характер грандиозного интернационального курорта и превращается в маленький уютный городок. Но и в этот тихий сезон приезжий не может скучать в Карлсбаде...» И далее перечисляется то, что может заполнить духовные потребности не желающих шумной жизни гостей: знаменитый курортный оркестр, прекрасный театр...

Мне же почему-то мил именно такой, тихий, Карлсбад, каким он был встарь, и такой город более всего напоминает о себе ранним-ранним зимним, предвесенним утром, когда в еще не потревоженной густоте небесного индиго смутно, нелюдимо прорисовываются обступаящие Карловы Вары лесистые горы, но внизу, куда отчетливо среди снега скользит черный серпантин дороги, в уличных фонариках, в не воспринимаемых современно неоновых надписях уже видны как бы игрушечные, как бы вышедшие из сказки домики, и над остроко-нечными черепичными крышами поднимаются неизъяснимо нежные дымки. Пахнет талым снегом, отволглой корой деревьев, сгоревшим углем, испарениями шумящей в темноте Теплы; город, угнездившийся вдоль изгиба реки, лежит в узкой лощине, и запахи стоят, как призраки прошлого, не в силах подняться к вершинам гор и растаять там.

Жизнь города начинается рано, первыми, еще во тьме, вековую тишину разрывают автобусы, горячо дышащими кометами обрушивающиеся вниз и взлетающие вверх, невообразимо вписываясь в узкие

изгибы мокрой ленты асфальта. Но на крутом склоне улочки, среди глухо молчащих средневековых, один в стык другому, кирпичных домов, твои шаги отчетливо повторяют шаги паломников, спускавшихся когда-то к бющему из земли Вржидло, щедро расточавшему целебную воду. Сейчас он накрыт огромным прямоугольным стеклянным колпаком, как накрываются дорогие реликвии, и все-таки он тот же, почти десятиметровый, неравномерным пульсом, то взрываясь, то опадая, бьющий под потолок горячий фонтан, и оттуда, из облака пара, мельчайшей водяной пылью падающий вниз. Все тот же его запах, напоминающий гниловатый запах водорослей, йода, все те же палево-коричневые наплывы у основания, на дне лона, куда падает вода, это и есть осевшая за многие годы знаменитая карловарская соль — овестьственное целебное свойство воды. К этим наплывам привыкает ваш глаз у всех тринадцати разнящихся температурой и в меньшей степени химическим составом источников, даже у витрин сувенирных магазинчиков, где выставлены розочки, похожие по цвету и фактуре на наши русские обожженные кринки; это она же, карловарская соль, осаженная потоком всегда отличавшегося хитроумием богемца в замысловатой формочке цветка...

Да, старый Вржидло все тот же, каким был шестьсот лет назад, когда его вода впервые явила людям свое слагавшееся миллионы лет врачующее чудо. Бывает, что ты не в силах отойти от стреляющей струи и долго стоишь, подвластный ее гипнотическому действию, раздумывая над тем, как богата и щедра наша Земля, сколько благодает она человеку, и вот эту, если подумать, всего лишь толику своих великих щедрот. Стоишь и повторяешь слова чешской писательницы Марии Майеровой: «Какой это головокружительный зигзаг — круговорот минералов от архейской эры к человеку, цветам и облакам!»

А сколько Земля еще таит — для наших потомков. Жизнь бесконечна, человечество должно отринуть от себя страсть потребительства, и это строжайшее требование времени, может быть, с особой силой подтверждается здесь, в Карловых Варах, у неумолчно журчащих источников. В очереди к воде, в медленно передвигающейся, прикишей к чашкам толпе ты увидишь и седовласого, бюргерского вида немца, и крестьянку-чешку с непрременным, большим, как пальто, клетчатым шерстяным платком на плечах, из-под которого вокруг колен вертится упругим колоколом сборчатая юбка, и угрюмоватого, в светлом толстом шарфе бельгийца, и подвижного, как ртуть, смуглого — еще более от черных, кажется, совершенно светонепроницаемых очков — араба, и, конечно, наших, держащихся обычно компаниями, легко узнаваемых по дорогим меховым шапкам и тому оптимизму общения, которого не встретишь здесь более ни у кого другого. Курорт Карловы Вары давным-давно носит характер международного, и тут, под строгими — гранит, стекло — сводами нового здания с тремя светящимися в солнце стеклянными столбами

источника номер один либо в тени антично строгой, неухищренно величественной колоннады — творения выдающегося архитектора XIX века Йозефа Зитека — сошлись языки и верования всего мира. И подобно тому, как там, в лабиринтах Земли, десятки растворенных минералов сливаются в единую чудодейственную реку, так самые полярные политические и нравственные влечения смиряются здесь в едином преклонении перед милосердным даром Природы. Очевидно, совсем не случайно у входа в корпус источника номер один, за стеклянной стеной которого фонтанирует древний Вржидло, воздвигнута фигура человека, впервые из людей увидевшего, как, в сущности, мала и как прекрасна планета Земля, имевшего все основания сказать о необходимости беречь ее от темных сил оборотной стороны прогресса, — фигура Юрия Гагарина.

Но что такое Карловы Вары сегодня?

Сначала это нужно почувствовать, чтобы потом уже понять, не полагаясь на путеводители, коим благодаря популярности курорта, разумеется, несть числа. Тогда вопрос не покажется риторическим...

Ну, конечно же, это — целебная вода, манящая к себе страждущих со всего света. Конечно же, великолепные, старые и новые, курорты, лечебный процесс которых подобрал новейшую здравоохранительную мысль и последние достижения в области медицинской техники. Конечно же, лазни, в переводе на русский — бани (украинец поймет это слово без перевода: у него на батькивщине баня — «цэ и е лазня»). В Карловых Варах лазни — ванны корпуса, совсем не случайно сохранившие названия бань, о чем еще будет время сказать. Пока же просто: как это сладко уху славянина, когда на талончике, дающем право принять ванну, он опять же прочтет: «купель». Слово это обратит его не только к истоку целебной воды, но и к истоку родного языка, а может быть, и к началам иных связей, проходящих через тебя в даль истории, и в этих связях есть звенья поценнее карловарской водицы. Но и об этом — в свое время...

Высокий круглый потолок вестибюля ванного корпуса номер шесть, построенного на берегу неумолкающей Теплы в сравнительно близкие времена, что и видно по архитектуре, тем не менее распisan в традиционном сюжете местной мифологии... Идиллическая зеленая поляна среди деревьев и лугов, тихий, будто налитый голубым небом, озерный омут с купальщицами. Одни, совершив омоение, приведшее их в состоянии счастливой близости к природе, нежатся на изумрудном берегу. А самая юная или ставшая юной в благодатной купели выбросила руки к солнцу, к каким-то высшим силам, обновившим ее плоть и дух. И тут же из тени могучего дерева двое юношей подносят к воде разбитого бременем лет и болезней старца, голова его

еле поднята только затем, чтобы увидеть целебную воду, глаза на изможденном лице горят последней надеждой... Этот сюжет в разных вариациях встретится вам в мозаике и гипсе многих старинных зданий, и эта множественность символа, пусть наивно утверждающего гуманное служение людям природного дара, уже кое о чем говорит нам — вот именно о традиции, без которой немислимы нынешние Карловы Вары.

Вижу залитый солнцем, сверкающий белым кафелем, олицетворяющий современность, зал, слышу хруст расслаиваемых крахмальных простыней. Но как бы снова испытываю древний дикарский восторг, когда тебе открывают дверцу деревянного короба — «бочки», в курортном просторечии, — и ты в чем мать родила втискиваешь себя внутрь. Берешь в руки цинковую сферическую пластину с выступившим на ней инеем. Тебя накрывают крышкой с отверстием для головы, и ты сидишь, обложенный по шею простынями, с выставленной наружу физиономией, являя зрелище, очевидно, несколько забавное, как во время циркового фокуса Кио. Сестричка, средних лет чешка, внимательно-иронически посмотрев тебе в глаза, будто взвесив твои «возможности», смещается за «бочку», растворяясь в белом на белой стене, что-то там включает, поворачивает, ставит на нужное деление, и тебя начинает обволакивать неслышными горячими струями пара. Да в общем-то это парилка, уменьшенные до «бочки» Сандуны, и принятая сначала тобой, русским, с известной долей недоверия (после Сандунов-то!), «бочка» начинает шипеть по-змеиному, показывать норы. Тело горит, и все спасение в цинковой холодной пластине, которую ты прижимаешь к груди, смиряя колотящееся сердце. Подходит сестричка, вопросительно вскидывая брови: как, мол, терпимо? Или убавить? Какого черта! Ты же русский и скорее лопнешь, как волдырь, чем попросишь милости, а между тем напряженно вслушиваешься в бесстрастный точечный бег часов, мысленно поторапливая его.

Снова подходит сестра: не горячо?

Нет! То есть да, горячо, но...

Разворачивающаяся перед твоими глазами сценка — немного отвлекает тебя. Сестричка, уже другая, хлопчет над тщедушным, бледным, сухим, как моль, старцем, будто пришедшим сюда с картины, с той, что за дверью, на круглом потолке высокого — сквозь все этажи — вестибюля. Судя по ссохшемуся брезгливому лицу, объялому, никогда не знавшему физической работы телу, по каким-то вообще неуловимым признакам, перед тобой живой, хотя и сильно подержанный, капиталист, не поспекулившийся на твердую валюту, чтобы испытать «последний шанс», и, возможно, это его богатого шоколадного цвета «мерседес» стоит возле крыльца лазней. Что ж, Карловы Вары готовы помочь всем, кому «прописаны» курорты. И вот сестричка подводит старца к большому дубовому корыту, усаживает в нем,

как младенца, а потом с кажущейся, но на самом-то деле и должествующей произвести эффект обновления жестокостью, сильно, раз за разом бьет из ведра водой по брэнному телу пациента — помню, мальчишками мы так купали лошадей... Он терпит... Терпишь и ты, фигурально «на буржуев смотришь свысока» со своей «собственной гордостью», и застрекотавший звонок часов несколько даже разочаровывает: ты бы мог терпеть еще!

Алый от зноя «бочки», входяшь в бассейн с подогретой минеральной водой и чувствуешь, как отходит, успокаивается организм, и тебя уже подмывает к новой страсти, и вот ты уже в другом бассейне — с холодной, едва ли не ледяной водой, тихо ахаешь — даже не голосом, а мгновенно перехваченным замершим дыханием. Но это быстрое, как столбняк, ощущение через несколько секунд акклиматизации переходит в ни с чем не сравнимое блаженство, и так ты несколько раз сменишь холодную и горячую воду, которая разгонит в тебе кровь в самые дальние капиллярики...

Но что это?.. Тот же или другой? Нет, все же другой...

Плавая и крутясь в своей купели, ты видишь, как, тоже с помощью сестрицы, такой же бледнолицый дряблый старичок, явно тоже капиталист и скорее всего тоже из ФРГ, взбирается по приступкам на подагрически узловатых ногах к краю поставленного на пол сооружения кубического вида, усаживается, укрытый простыней, опускает ноги внутрь, и по бурлению пущенной сестрицей воды можно догадаться, что путем какого-то водного массажа страдающий ногами паломник надеется, что карловарская соль одолеет соль, накопившуюся на его несчастных суставах. Он долго сидит так, согбенный, погруженный в раздумья о капризах судьбы, наделяющей человека огромным состоянием, но отнимающей у него самое большое богатство — физическую гармонию; может быть, он с грустью вспоминает своего единомышленника Артура Шопенгауэра, мистицизм философского мышления которого не помешал ему прийти к совершенно реальному выводу, что здоровье до того перевешивает все остальные блага жизни, что поистине здоровый нищий счастливее больного короля... Плавающий рядом парень, шахтер из Донбасса, с которым ты успел познакомиться благодаря совпадению времени на талончиках, замечает с прирожденным украинским юмором, что дедку при его позе очень не хватает удочки... Найдя сравнение удачным, ты, однако, сильно сомневаешься относительно «улова».

Но, но и но...

Уже в комнате отдыха, запеленатый в простыню, укрытый тканым светло-шерстяным одеялом, напоминающим буковинский лижнок, точно так же, как укрыты оба старичка-капиталиста, лежащие вблизи тебя один за другим в ровном ряду топчанов, ты все же тщишься проникнуть размягченным от испытанного наслаждения рассудком в странный парадокс: почему эти самые старички, перед

мошной которых, вероятно, открылись бы двери лучших клиник Запада, предпочли одинокими пилигримами, пусть за баранками шикарных «мерседесов» — граница с ФРГ отсюда в нескольких десятках километров, — достигнуть, как некоей Мекки, вот этой бани, этого древнего крестьянского корыта, чтобы быть исхлестанными водой из ведра?.. Не смыкается ли сей парадокс с парадоксом мощно прогрессирующей урбанизации, когда в виде протеста против ее «железной пяты» молодая поросль вполне благополучных слоев буржуазии облачается в драную мешковину и отдается, часто в весьма сомнительных формах, зову природы? Конечно, для тех, кто лишен родительского попечения и вынужден горбом зарабатывать себе на хлеб, такие «опыты» — сущая бессмыслица. Стихия анархизма, очевидно, и есть гипертрофическое проявление кризиса самого общества, которым она рождена. Но что-то тут есть! Человечество начинает, кажется, смутно испытывать чувство, будто оно попало в машину гонщика, закладывающего виражи на бешеной скорости, когда центробежные силы вот-вот оторвут от земли дымящиеся шины, когда время и пространство неудержимо отбрасываются назад. Ухватиться за что-нибудь, не потерять «сцепления» с землей, не забыть в стремительном движении о самых простых и доступных благодеяниях природы. Не потому ли так заметен мучительный поворот к уходящим навсегда преданиям, быту, песням, к избавляющим от душевных и физических страданий народным средствам, снадобьям, к знахарству, если хотите, в какую бы научную терминологию его ни облекали?..

Да что далеко ходить: из многочисленных процедур, составляющих славу современных Карловых Вар, ты выбрал все-таки совершенно варварскую «бочку», как раз и подпав под магическое действие традиции, так бережно здесь хранимой...

А мы идем от частного к общему, и они как бы выступают из веков — Карловы Вары, все с тем же своим «профилем». Конечно же, это вода. И, конечно же, ремесла... И, пожалуй, самое старинное из них — тоже как из легенды вырастающий чешский фарфор... Поезжайте совсем недалеко, в Локет, который еще до Карловых Вар стал королевским городом, политическим и торговым центром края, и зайдите не только — его миновать нельзя — в отель «У белого коня» (когда-то просто кабачок). Здесь, на террасах веранды, праздновал день рождения в обществе своей последней возлюбленной Ульрики фон Левецоф постоянный посетитель здешних мест Гёте, зайдите в нависший над самой Огржей с огромной серой скалы замок, который был когда-то королевской резиденцией. Сейчас здесь великолепный музей фарфора. Производство его захватило когда-то всю округу — Бржезову, Стружну, Ходов, Даловице — и Локет, и, очевидно,

фарфором и сыскал себе настоящую славу город: в 1835 году изделия его мастеров были признаны лучшими на выставке в самом Севре... Поезжайте в Клаштерц — и там замок, построенный в 1666 году для аристократического рода Тунов, отдан фарфору... Поезжайте на фарфоровый завод в Бржезову — и здесь прекрасная экспозиция фарфоровых изделий — от начала производства (1803 год) до наших дней — классических сервизов, ампирных ваз, фарфора, расписанного французом Карьером... Все высшей пробы! И добытый еще в четырнадцатом веке в Седле первый каолин — фарфоровое сырье, принятый в нашем, двадцатом, в Копенгагене в качестве международного стандарта... И передаваемый из поколения в поколение вкус, и — непременно — качество, несмотря ни на какой «поток», ни на какую новую технологию, напротив, благодаря ей... Только в этих условиях расцветали дарования искусников и художников, такого признанного авторитета, как профессор Ярослав Ежек: его сервизы «Элька», «Княгиня», «Рафаэль», его «лошадки» и «ласточки» вошли в мировую классику фарфора. И — два новейших его сервиза: «Валентина» — в честь поднявшейся в космос советской женщины, и «Клаудиа» — в память о посещении Карловых Вар Клаудией Кардинале... Ведь это тоже старый добрый обычай — увековечивать то, что отдано людям: мужество, красоту, талант, любой иной дар.

От самого «Империаля», с горы, по извилистым улочкам центра, заставленным живописными, не повторяющими друг друга особняками, автобус несется вниз, к торжнице, то есть (и тут опять-таки излишен перевод) к рынку.

От торжницы, ближе к окраине, улицы прямее, но и беднее, дома более однообразны, лишены кокетливого аристократизма центра — вполне понятный след и прошлой социальной расстановки общества, и роли, которая была отведена (да отводится и сейчас) различным районам города-курорта, самой привлекательной своей стороной сконцентрировавшегося, конечно же, вокруг Вржидло: схематическое изображение чаши с распадающимся на струйки фонтаном украшает яркие лакированные обложки проспектов, издающихся на многих языках мира. На улицах и домах пригорода — печать фабрики, промышленного производства, и вот в сплетении глухих тупиков, электрических опор, кабелей, труб, над протянувшимися уже сегодняшними стандартными — из бетона и стекла — заводскими зданиями вдруг обозначится вывеска всего с одним словом, графическое начертание которого не менее, чем чаша с фонтанчиком воды, известно во всем свете. Это слово — Mosek, олицетворяющее еще одно чудо Карловых Вар — чешское стекло.

Сначала, привыкший к ощущаемым на каждом шагу «преданьям старины глубокой», ты несколько озадачен как бы несовместимостью бетонных громад завода с изысканными формами, идеальной чистотой, ясным сиянием тончайших изделий из хрусталя — ваз,

бокалов, винных сервизов, с чистой радугой литого стекла — александрита, эльдора, топаза, розалина, берилла, то густых фиолетовых, коричневых, дымчато-черных, то легких розовых, зеленых, золотистых цветов. Но стоит войти в атмосферу производства, в работу стеклодувов, чем-то похожих на заклинателей змей, только наделенных иной властью, властью одухотворения — ведь на концах их «дудочек» рождается живая плоть искусства, стоит звикнуть в таинства шлифовки хрустала с царящей геометрической гранью, в неуловимо точные движения резца художников, перенявших мастерство тех, чьи творения получали первые призы и на миланском Триенале, и в Брюсселе, и в Нью-Йорке, и ты поймешь, что это прекрасно — большие, светлые, современные цеха, вышедшие мастеров из старого дымного завода, это прекрасно — освоенная на предприятии металлургическая обработка стекла, так много прибавившая к возможностям человеческих рук.

Идеи научно-технической революции, сомкнувшись с идеями социалистической нови, придали чешскому хрусталу новый спектр света, новую мелодию звучания. Но все-таки все идет оттуда, из почти полуторавековой дали, когда сын владельца еврейской ритуальной столовой Людвиг Мозер освоил ремесло шлифовки стекла и, опередив в предприимчивости отца, разглядел в своем деле далекие перспективы. Сначала он открыл магазин стекла, а затем и основал завод, перешедший к сыну сына Густаву, который уже продавал стекло марки «Мозер» на Итальянском бульваре в Париже. Все идет из счастливо сложившейся судьбы чешского хрустала, для которого природа Богемии дала великолепные, нигде более не встречающиеся на земле песок и известь, а пытливая человеческая мысль открыла ту золотую середину в пропорциях необходимого сырья, чтобы и свершилось чудо.

Мы привыкли к употреблению пышных сравнений и преувеличенных эпитетов, когда предмет нашего восхищения требует «высокого штиля». Как камни, стираются слова. И все же смысл того, что они обозначают, остается вечным... Когда тыходишь в музей мозерского стекла, рассудок твой не пытается найти тот торжественный шаблон, в который мы с торопливой легкостью облакаем действительно дорогие нам да и чрезвычайно ценные материально предметы — «белое золото», «черное золото», «мягкое золото»... Мириады рассыпаемых призмами хрустала фосфоресцирующих звезд, феерия отшлифованных до солнечного сияния стеклянных плоскостей, небообразимые узоры вырастающих, как дерево, граней — все это отнюдь не стихия, все продиктовано именно смыслом, заключенным в ту или иную могущую передать его форму, будь это подчеркнуто строгий, толстодонный, предельной прозрачности бокал или роскошно декорированный гравюрой и линейным орнаментом позолоченный сервиз «Магарани», вывозившийся когда-то в Индию для богатых магарадж.

И ты уходишь, уходишь, как в сказку, долго рассматривая на сферической поверхности фужера тончайшую вязь рисунка с традиционным охотничьим сюжетом, шейку вазы, до которой боязно дотронуться, так она изящна и хрупка. За каждым сосудом, каждым произведением искусства — своя история, так же неукоснительно, с большим уважением к деяниям предков хранимая, и в этом особая притягательная сила изделий «Мозера». Не говорю уже об уникальных, в несколько сот предметов, мозерских сервизах, украсивших торжественные столы самых возвышенных особ, о таких, как набор «Сплендид», изготовленный в качестве свадебного подарка королеве Англии Елизавете II, или «Мария Терезия», сотворенный по образцу столового сервиза австрийской императрицы, от которого осталось лишь несколько предметов, хранящихся в Шёнбрунне в Вене, или «Королевский», созданный в начале века в честь посещения Карловых Вар принцем Уэльским, будущим королем Англии Эдуардом VII, или «Папский», изготовленный впервые для папы Пия XI, или «Меликофф» — для русского князя... И еще одна, гораздо более славная, русская фамилия дала название мозерскому сервизу, оно так и звучит — «Гагарин».

Что ж, каждое время отмечено своими символами, и, слух наш, будь милостив к помпезности названий, означающих действительные шедевры человеческого ремесла. Атмосфера парадности сквозит, надо подчеркнуть, не в одних непрерываемо прекрасных изделиях «Мозера», но и в сменивших глухие стены средневековья роскошных барочных линиях, в причудливой лепке отелей, театральных зданий, в немислимом богатстве залов, в затейливом чугунном литье открытых веранд, в уединенности солидных домов, романтически поименованных — «У золотого ключа», «У трех мавров», «Белый лев». Эта атмосфера — сама сущность старого Карлсбада, живительные источники которого собирали всю знать, все императорские роды Европы. Город, щедро финансируемый международным капиталом, рос и благоденствовал на потребу именитым гостям, и с течением времени карлсбадская вода отчасти стала удобным предложением для праздного времяпрепровождения и охотничьих утех царствующих особ, а подчас и для тайных политических встреч в укромной «раковине», среди оградивших ее со всех сторон лесистых гор Богемии. Здесь бывали и та же Елизавета английская, и та же Мария Терезия австрийская, чье изваяние, подавляющее величиной и пышностью, стоит и в самой Вене, были и Бисмарк, и Меттерних...

И — наш Петр Великий!

С Петром связана совершенно особая, хотя и малоизвестная, да и почти уже не слышная в грохочущей поступи времени история с очажком в Карловых Варах, где русский царь бывал дважды. Сама

по себе эта история представляет несомненный интерес, но надо заметить и другое: собственно, с Петра и пошли ставшие затем традиционными связи России, русских людей, русской культуры с городом удивительным, вышедшим за рамки пусть и «грандиозного интернационального» курорта, связи, следы которых и побудили лечь на бумагу, хоть и основанные на точном документе, но все-таки более эмоциональные, хотелось бы надеяться, простительные поэту записки...

Когда идешь по этим следам, становится очевидным, что среди всех венценосных лиц, которых видел Карлсбад в продолжение шести веков, никто, исключая, разумеется, основателя города Карла Четвертого, не сохранил здесь о себе такую долгую, живую, добрую память, как Петр. В 1902 году, то есть почти через двести лет после приезда сюда Петра, исследователь международных связей курорта доктор Гаттер заметит: «Карлсбад излюблен русскими; он привлекает их национальные симпатии более чем какой-либо другой курорт; он воскрешает в их памяти славное прошлое, и здесь они могут чувствовать то высокое положение (дадим эти слова вразрядку, дальнейшее покажет — почему), которого достигают они на чужой земле. Это особое расположение ведется со времен Петра Великого»...

Впрочем, разветвленная чреда местных сюжетов берегла целый ряд иных свидетельств — и о великолепных празднествах, и о роскошных свадьбах, и о романтических встречах влюбленных, ну, скажем, о посещении Карлсбада эрцгерцогом Фердинандом Тирольским с супругой, дочерью аугсбургского купца Филиппиной Вельзер, о том, что кожа ее была так нежна и тонка, что сквозь нее просвечивало вино, которое она пила.

Но слава, слава! Сколь разнородны ее полюса и оттенки, и подлинная принесена Карловым Варам не королевскими особами, а целым рядом гениальных людей, которым действительно были нужны назначенные для блага природные ключи. Им нужны были и старые замки с являющимися в них по ночам звуками сражений и голосами летописцев, и безмолвно-величавые горы, приглашающие к думам высоким и сущим, и залитые солнцем лужайки, перед которыми очищается душа, и сохранившийся в первородстве крестьянский быт с каменными очагами под кровлями, с будто витающими вокруг них бесчисленными легендами, в которых жизнь и народные идеалы всегда торжествуют над силами запредельной тьмы, над лукавством непременных гномов...

На рассвете, томительно пахнущем весной, по темной каменистой улочке ты спускаешься к центру, к Вржидло, проходишь мимо глухо молчащих стен храма Марии Магдалины — мерцающие купола высоко уходят в синее небо, — в оглушившей тебя тишине смутно

означится возраст святилища — его двести пятьдесят лет. А ты увидишь, как все было до того, когда выдающийся мастер чешского барокко Кириан Игнац Динценгофер еще не воздвиг храм, ныне, вполне вероятно, самый значительный в Карловых Варах памятник древней архитектуры. Он особенно величествен воскресным солнечным днем, с высоты его куполов катятся вниз, будто и сами полные света, гудящие глыбы колокольных ударов...

Но сейчас, ранним-ранним утром, он молчит, и сквозз бремя веков ты видишь то, что было здесь до храма. Здесь стоял старый даже для того времени готический костел, было кладбище. Оно часто размывалось обрушивавшейся со склона паводковой водой, вокруг распространялся тяжелый запах гниения, и тогда окрестные жители засыпали известью обвалившиеся могилы... Это было совсем давно, но отсюда, со склона, на котором поставлен храм, ты чуть ли не с удивлением увидишь возвращающий тебя в современность туманный квадрат света, в котором бьет и бьет Вржидло. Протяженность нескольких веков еще живет в тебе знобящим холодком.

Ты проходишь мимо стеклянных стен, за которыми кипит рвущаяся из земли вода. Совсем рядом, в бетонных берегах, с шумом перекачивается по камням Тепла, на противоположной стороне, прямо вровень с бетонным берегом, над рекой нависают мрачноватые задние стены зданий. Сырой и мягкий пар поднимается от реки, пахнет снеговой водой и водорослями. Вспоминается, как летом вдоль тянувшихся по дну прядей травы выстраиваются навстречу течению и долго стоят, пошевеливая плавниками, вереницы рыб, форели — и обычной, плохо заметной в воде из-за невзрачного сероватого цвета, и совершенно диковинной — яркой оранжево-красной расцветки.

Но это видение мгновенно. По одному из многих перекинутых через реку мостиков, по узкому темному переулку ты выходишь прямо к Замковой башне, той самой, что осталась от крепости Карла, почти два века простоявшей над городом незаходящей тенью императора. Замок погиб в пожаре 1604 года вместе с большей частью всего города, осталась одна эта башня, в дальнейшем не однажды реконструированная. Но ее простая призматическая крыша, трехсторонняя галерея с арками, башенка в стиле того же барокко, уже хорошо видные в посветлевшем небе, все-таки дышат неподдельной стариной.

Когда-то башня главенствовала над городом, когда-то стража возвещала с нее о приближении и друга и недруга... 13 сентября 1711 года пропели на Замковой башне фанфары, торжественно объявив истомившемуся в ожидании батальону императорских войск, прибывшим в Карлсбад по случаю знаменательного события обербургграфу Праги и наместнику Богемии графу Братиславу, императорскому посланнику при шведском дворе графу Ностицу, да и всем стекшимся к башне в большом возбуждении горожанам о вступлении

в город царя московского Петра Великого. Во главе многочисленной свиты, где были послы германский, польский, английский, прусский и ганноверский, он предстал перед городом, правитель далекой, огромной, удивившей мир военными победами, прорубившей окно в Европу России, кряжистый, рослый, в парадном мундире, в высоких ботфортах, приветственно поднявший треуголку, чтобы остаться, как потом в один голос будут говорить непредубежденные историки, не в летописях, а в сердцах народных... Да кто же мог ожидать, что русский владыка окажется простым, веселым, внимательным к нуждам горожан, живо интересующимся развитыми здесь ремеслами; невероятно, но он и сам мог держать в руках и кузнечный молот, и плотницкий топор, сам мог встать на кладку дома с мастерком, засучив рукава белой царской рубашки...

В позднейших перестройках города Замковая башня была как бы отодвинута в глубь квартала, ныне сплошь состоящего из магазинов и магазинчиков, и на нее не сразу обратишь внимание, но в это утро тебе почему-то будоражит карлсбадская даль с этим, тоже будто отдалившимся в века контуром башни. По улочке, обычно ввиду своего расположения между наиболее посещаемыми источниками очень оживленной, тебе надо пройти к сооруженной Йозефом Зитеком Колоннаде. Улочка и сейчас, в рассветную пору, уже заполнена людьми, стекшимися со всех концов города, от всех курортов к шестому источнику, с легким горячим парком льющемуся из двух кранов в никелированную, в «ржавчине» карловарской соли, чашу. Медленные наклоны людских фигур с протянутыми за водой руками, приглушенная разноязычная речь, тихое передвижение толп в разреженной мгле рассвета среди коринфских колонн... Многие пьют воду здесь же, у источника, не уходя из-под кровли портика. Не уходишь и ты, загнипнотизированный текущей и текущей — сколько ж миллионов лет! — водой, ее горячим йодистым запахом, и взгляды твои совсем не случайно поднимаются к укрепленной на стене бронзовой доске с отлитым текстом — на латыни и на чешском языке. В твоём настроении заполняется какая-то оставшаяся пустой частичка, будто ты нашел что-то, от чего и надо идти. Ну конечно, как же ты не вспомнил о нем, о Богуславе Гасинштейнском из Лобковиц, чешском гуманисте, одном из первых и наиболее частых, как утверждают летописи, посетителей Карловых Вар. Тогда, в давние-давние времена, он как бы собрал рассыпанные в народе жемчужины преданий и прославил Вржидло в оде, латинский текст которой был переведен на сорок два языка, — эта ода и отлита в бронзе...

От Богуслава, вероятно, и нужно вести отсчет имен, которые составили Карловым Варам подлинную «репутацию». Здесь был Бетховен, дававший концерты в пользу пострадавшего от пожара Бадена, близ Вены: по сохранившимся свидетельствам, великий композитор играл никогда и нигде не записанные импровизации,

повергая горожан в восторг неслыханной щедростью... Тринадцать раз приезжал в Карловы Вары Гёте, много создавший здесь, в том числе «Трилогию страстей»; он писал отсюда: «Веймар, Карлсбад и Рим — единственные города, где мне хотелось бы жить». Старые дома и скалы Карловых Вар помнят Брамса, Листа, Сметану, Дворжака, Паганини, Баха, Мицкевича, Шиллера... И помнят — Вяземского, Гоголя, Тургенева, Гончарова, Чайковского... Меж двумя мировыми войнами здесь побывали Алексей Толстой и Иван Павлов: имя выдающегося русского физиолога вы увидите на табличке с названием улицы, на фронтоне здания научно-исследовательского курортного института... И по другой ветви — Карл Маркс, русские декабристы братья Н. Ю. и А. Ю. Тургеневы, и в совсем близком времени — Рихард Зорге, Шолохов, Щипачев, Шагинян, Николай Черкасов, Хачатурян... И наконец — Гагарин. Он и остался здесь, тоже в бронзе, со своей выпрошенной из-под чаши скафандра своеобразно-мальчишеской головой, с улыбкой, тронувшей губы, с рукой, приподнятой в приветствии...

Впрочем, суховатый этот список — обязательный параграф путеводителей по курорту... Он и здесь несет предварительную нагрузку, фон для разговора, хотя возможности на сей счет сильно ограничены простым и огорчительным фактом: старые карлсбадские хроники, живописуя визиты коронованных особ, весьма скупы с данными о пребывании действительных титанов мысли, слова, звука. Исключение составляет, вероятно, Иоганн Вольфганг Гёте, о котором написана целая книга: «Гёте в Карлсбаде»... Но если бы вы и пролистали более сотни томов печатавшихся с 1759 года списков посетителей курорта, то и тогда смогли бы найти всего лишь одну строку о посещении Карлсбада Николаем Васильевичем Гоголем: точно как у нас в гостиничных книгах — прибыл, убыл... Еще известно, что жил он в доме «Принц Русский», а затем в отеле «Россия». Вот и все. И удивляться тут нечему: с именем великого писателя не связаны никакие шумные празднества, привлекавшие обычно перо репортеров. В Карлсбаде Гоголь, уже изгнавший себя из России, был в 1846 году, а в следующем году вышли «Выбранные места из переписки с друзьями» — о настроении, о болях духа его легко догадаться... «Если бы Гоголь жил в России...» — горькое это восклицание Чернышевского много добавляет к лаконичной строке списка посетителей курорта...

Дважды приезжал в Карловы Вары И. С. Тургенев. Оба раза жил в доме «Королева Англии», занимая на первом этаже комнатку в одно окно, выходившее в сад. На мемориальной доске засвидетельствовано: «Здесь жил Иван Сергеевич Тургенев 1874—1875 г.г.»

Жил тоже не шумно. Позже владельцы дома, супруги Теллер, вспоминали, что русский писатель постоянно пребывал в состоянии глубокой сосредоточенности... Предполагаем, что причиной тому была не только тяжелая болезнь Тургенева. Долго живя за границей, он

приезжал в Карловы Вары уже на склоне лет, и те же супруги Теллер свидетельствовали, что большую часть времени Иван Сергеевич, будто бы лечившийся от подагры, лежал в постели, а передвигался с большим трудом, на костылях. Но, из тех же источников, он, в постели, много пишет, а из других — устраивает в Саксонском зале благотворительный литературный вечер в пользу жителей города Моршаньска, уничтоженного пожаром... Не была ли вызвана его «глубокая сосредоточенность» происходившей в эти годы ломкой социальных и философских концепций писателя, высшей точкой которых явился роман «Новь»? Он был закончен в следующем после второго посещения Карловых Вар году. Не «Новь» ли, в которой он обрушивался на дворянство, а основную силу, способную к революционному действию, видит в народничестве, писал Тургенев в постели? И не предчувствовал ли он тогда, в Карловых Варах, какой моральный удар готовил для себя своим романом? И еще — на этом этапе жизни он все больше тянется к России, к ее обществу стихиям... Удивительно ли то состояние, в которое был погружен писатель...

О многом думается, когда бродишь по городским улицам, начинающим зеленеть склонам, по уединенным тропам парков. Меж памятников тем, кто стал самим духом Карловых Вар... Шиллеру и Шопену, Сметане и Бетховену... И — Павлову. И — Гагарину...

3

На плоской вершине гранитного утеса Петр творил вечернюю молитву.

Он, царь и владыка, находил здесь уединение от строгих, изнурительных лечебных предписаний и от веселых праздных утех. Это место, к которому он вышел однажды, бродя по крутым склонам начинающихся от самых улиц гор, приковало к себе его могучий ум. Кроны высоких буков смыкались, почти не пропуская свет неба, а сентябрьский день был и без того сумрачен, глух, и в полумраке каменной площадки таинственно возвышался большой деревянный, темный от времени крест... Кто нашел здесь последний приют, кто поставил пересеченный перекладной столб — простейшее из созданий человеческих рук, пережившее саму вечность? Этот крест почему-то потянул к себе Петра, и те, кто сопровождал его, оставаясь в отдалении, видели, как он подошел к нему и стал искать глазами какую-нибудь надпись. Но ничего не нашел, да и что это дало бы ему, прочти он имя лежащего здесь...

Слыша нарастающее биение сердца, он думал о католическом обычае, требовавшем сохранять кресты над безвестными могилами, и так, разбросанные по земле, они стоят многие столетия. Вместе с этими размышлениями и пришло всегда являвшееся ему видение вырастающей среди болот крепости и города, обернувшего свой лик

к самой Европе. Город, как Атлантида, поднялся из глуби северных трясин, и сколько простых мастеровых людей, мужиков пропало, сгнило в болотах. Никто не ставил им крестов, и сами могилы ушли в земное лоно, под основы зданий, под брусчатые стены адмиралтейства, кронверка, подозрного дворца, под каменные опоры крепости.

— Боже, о своей ли славе пекусь, не о могуществе ль России,— выговорил он мысль, в которой только и находил успокоение.

В эту минуту перед ним почему-то с невыразимой ясностью встали два его парадных въезда в Москву. Первый — семь лет назад, в честь взятия Нарвы. Тогда сквозь сооруженные к торжеству триумфальные арки вели в русскую столицу шведского генерала Горна, не пожелавшего добром сдать крепость и обречшего войска и горожан на бесполезные жертвы, за что и «удостоился» в еще не утихшем после боя общем возбуждении тяжелой царской оплеухи... Вели полторы сотни плененных офицеров, несли сорок знамен и четырнадцать морских флагов неприятеля, везли восемьдесят пушек... Вон когда только поняли принимавшие его за антихриста головы цену испытаниям, навлеченным им на Россию — во имя ее же могущества!

И был другой декабрь — уже трехлетней давности, последовавший за выигранной им Полтавской битвой, принесшей и ему, и России пожизненную славу. Тогда снова и окончательно была поставлена на колени Швеция, и, как доказательство тому, снова брели пленные шведские генералы и офицеры в Москву, снова были повержены на русскую землю вражеские штандарты; жаль, упустили самого короля Карла, который при известии о поражении упал с качалки — его увезли к Днепру, и он бежал с жалкой частью разбитых войск в Турцию... Снова Петр возвращался в Москву под пушечную пальбу, под колокольный звон, под музыку и барабаны. И слышал, кажется, самим изболевшимся о России сердцем слышал, как кричал народ: «Здравствуй, государь, отец наш!» Значит, прощен перед историей!

И вот теперь в его ушах звенит «здесьняя музыка» — торжество, которое было устроено в честь его прибытия в Карлсбад, — вон он лежит перед ним, протянувшись по реке своими острыми, как зубья пилы, крышами, вон башня, с которой звучали фанфары! Было бы все это, не будь его ломающих старье реформ, не будь его флота, не будь его побед?! Шведов побили, а вон посланник императора при шведском дворе низко кланялся... Самолично вручил дар императора.

Короткие стрелки усов на округлом лице Петра дрогнули от невольной улыбки: царь снова пережил тот момент, когда на глазах у собравшейся под Замковой башней богатой депутации встречающих, при неописуемом восторге горожан несколько запряженных цугом пар лошадей «внесли» на площадь огромную бочку. Петру объяснили, что Карл Шестой, император австрийский, в знак особого уважения к московскому царю дарит ему тысячу содержащихся в бочке бутылок прехвосходного рейнвейна...

Царя поместили в один из лучших домов Карлсбада — в дом «Красный Орел»... После на этом доме появится надпись: «Здесь жил Петр Великий»... Но и бочке с вином, много пить которого царю не позволялось по несовместимости с лечением водами, суждено было войти в карлсбадские летописи...

Истинным центром тогдашней городской жизни было Собрание общества стрелков, учрежденного когда-то для обучения горожан азам «огневой обороны» на случай нападения вероломного врага. В этой связи надо снова вспомнить о том, что многие города Богемии венчались каменными крепостями, — они имели то же назначение, что и наши русские кремли. Не будем говорить сейчас о побудительных причинах и масштабах сражений, о разнице в звучании оружейных громов и о величине кровавых испытаний, выпавших на долю наших — тех и других — предков-славян. Над старыми чешскими городами пронеслась тридцатилетняя война, их опустошали и жгли и императорские войска, и попеременно набегавшие шведы, баварцы, французы — и недруг, и друг едва ли не в одинаковой степени... Типичная картина царившего междоусобья — она-то и породила общество стрелков в городе, основанном Карлом.

Но официальный его «паспорт» с течением времени все-таки утратил свою суть: росли государство, рождались армии, и «воинство», ставшее ненужным для города-курорта, превратилось в своеобразный клуб тартаренов, оглашавших выстрелами и наполнявших пороховым дымом долину Теплы отнюдь не в военных кампаниях: там устраивались празднества — иного слова не подберешь — непрерывных состязаний в стрельбе... И снова царил традиция! Традиционными были мишени, для которых устанавливался срок хранения, дабы всегда иметь возможность «восстановить истину», традиционными призы — и просто дукаты, и ружья, бокалы, то есть изделия мастеров, слава о которых распространилась далеко. Бывало, что на поле приводился бык, и часто победитель состязания, оказавшись его обладателем, жертвовал свой «живой» приз для общего увеселения — быка закалывали, жарили и съедали тут же при звуках музыки...

Трудно ль теперь догадаться, что шумная жизнь карловарских стрелков сразу и целиком поглотила Петра?! Это было то, чего просила его душа, что напоминало юность, «потешную» крепость на берегу Яузы, «потешные» полки, даже Тепла казалась ему похожей на ту подмосковную реку... Несложно понять и ликование стрелков, в «строй» которых стал великий русский государь, удостоив их неслыханной чести. Тут же его произвели в почетные члены общества.

Вскоре Петр самолично принял участие в стрелковых состязаниях.

Для него изготовили «личную» мишень и, когда она была установлена, укрепили на ней флажок: по заведенному у стрелков правилу в случае поражения мишени «показчик» снимал флажок. Дело было за призом. Его учредил русский царь. Это была... бочка

с тысячей бутылок рейнвейна, подаренная ему императором Карлом. Такого тоже не было за всю историю существования общества!

Сохранилась молва о происшедшем на этих состязаниях «забавном» казусе...

Стрелял Петр. Он целился точно и бил наверняка. Во всяком случае, сам он был убежден в этом. Все замерли, когда к мишени стал подходить «показчик». Царь тоже внимательно наблюдал за человеком в маленькой шапочке, камзоле и светлых чулках. Вот он подошел к мишени, потом, делая руками непонятные знаки, стал удаляться от нее. Как?! Почему не снят флажок?! Совершенно уверенный, что выполнил пустяковое для него «упражнение», попал в цель, Петр был оскорблен, взбешен. Еще бы секунда, и стрелки могли убедиться в отличительной черте его характера, каким он и вошел в историю, — в полной неуправляемости в минуты гнева. Петр вскинул ружье, готовый сразить «обидчика», но в эту секунду человек в белых чулках прямо-таки «оленьим прыжком» достиг мишени и сорвал флажок. Потом выяснилось, что волнение от исполняемой обязанности — стрелял-то царь! — отбило ему рассудок и память: Петр действительно попал в самый центр мишени... На старой картине запечатлен момент всеобщего ликования при победе Петра на состязаниях: он стоит в ботфортах, в царском мундире, с широкой лентой через плечо, в поднятой руке — «счастливое» ружье...

Так что же, бочка вина вернулась к нему?

Натура, страшная в гневе, могла быть чрезвычайно благодушной в приливе радости. Он отказывается от приза! Он жертвует его тому, кто будет самым метким после него. Этим счастливец оказался некий Франц Брейтенфельдер, который, в свою очередь, дарит приз обществу стрелков. К счастью, нашлась светлая голова, в которой родилась блестящая мысль: продать вино, а доход вложить в городское казначейство «в вечное воспоминание о Петре Великом и на пользу будущим поколениям».

Тот же доктор Гаттер утверждал два века спустя, что и в его время городская рентная касса Карлсбада, блюдя традицию, ежегодно выплачивала из «фонда царского вина» обществу стрелков 58 крон 20 геллеров «для увеселительных затей».

Лечащий врач, девически стройная и строгая пани Марта Вахтфейдлова, сидя в белоснежном халатике и таких же брючках за столиком своей светелки, которою выглядит ее кабинетик, заставленный и завешанный русскими сувенирами — матрешками, соломенными лошадками, деревянными лакированными картинками, обращает на вас внимательное и вместе с тем прелестное врачебное око. Пани Марта тщательно изучила курортную карту, анализы, пани Марта лично и пристально освидетельствовала вас и, не первый уж год

принимая в «Имперiale», все же задумчиво постукивает о стол карандашиком. Не торопится в назначении источника, колеблется между двумястами и двумястами пятьюдесятью граммами воды, между пятью- и десятиминутным отстоянием друг от дружки двух кружек, которые вам трижды в день предстоит выпивать «мелкими и медленными» глотками, между тридцатью и сорока пятью минутами, в которые должен пролечь ваш жизненный путь от источника до обеденного стола... И, конечно, с величайшей осторожностью принимает пани Марта ваши заверения в переносимости «бочки»... Все исследовано, выверено, взвешено, все новейшие выводы курортологии «приложены» к запросившему побережения организму...

Государя московского лечили по-иному.

Собственно, в такое уж время попал в Карловы Вары Петр.

Основоположником научного метода лечения карловарской водой по праву считается локетский врач Вацлав Пайер, еще в 1522 году в книге «Рассуждения о курорте Карла IV» определивший и диету пациента, и продолжительность купания, и наиболее подходящее для этого время суток. Он же впервые предложил употреблять воду внутрь, предписав вполне разумную, не так уж и разнящуюся с нынешней дозу: от трех до семи стаканов в день... Так, видимо, и строился бы лечебный процесс в Карловых Варах, если бы через пятьдесят лет «Рассуждения» Пайера не были «опрокинуты» Фабианом Суммером, который в своей книге, к удивлению, принятой за новейшее слово в медицине, предлагал выпивать в день до шестидесяти стаканов воды, «купель» же должна была продолжаться в течение десяти часов! «Чтобы потрескалась кожа и сквозь трещины болезнь вышла наружу». Что самое интересное, варварство это все же давало положительные результаты, и слава курорта росла...

Нечто подобное довелось испытать и Петру, приезжавшему в Карловы Вары дважды — в 1711 и 1712 годах.

От какой болезни лечился император — неизвестно. Есть лишь предположения о пользовавшем его докторе. Исходя из того, что Петр увез с собой в Россию врача по фамилии Шюбер, получившего звание доктора за трактат о холере, можно думать именно о нем. Доктор Шюбер уехал с Петром в качестве лейб-медика и в России, кстати, тоже продолжал исследовать минеральные воды, особенно кавказские... Упомянут он и Пушкиным в его «Истории Петра I», правда, вскользь — к жизнеописанию, касающемуся 1713 года: «Он (Петр.— М. Г.) повелел доктору Шюберу издать описание целительным водам терским»; и — уже 1722 года: «Петр осмотрел минеральные терские воды, освидетельствованные доктором Шюбером»... Трудно установить сейчас, входили ли в процедуры царя там, на водах Карлсбада, купания. Очевидно, да. Но вряд ли с рекомендованной Фабианом Суммером продолжительностью: день Петра, отличавшегося большой подвижностью, был заполнен куда более интересными и много-

численными занятиями. Но вот как государь пил воду — известно доподлинно.

Его будили ранним утром. К этому времени были протоплены печи и в покоях стояла банная жара. Окна оставались наглухо закрытыми: дневной свет не должен был проникать в помещение, горела лишь небольшая свеча. Прямо в постель Петру начинали подавать наполненные водой кружки. Вода была горяча, пуховые одеяла, в которых он лежал, дышали духотой, и царь начинал обливаться потом — в этом-то и заключалась главная цель. Он пил кружку за кружкой, наполняясь растворенными минералами, и, очевидно, в организме его шла какая-то очистительная работа солей — пот выносил шлаки... Потом он вставал, и вот тут-то хочется предположить по невольной возникающей ассоциации с той самой, современной, «бочкой», с идущими за ней горячим и холодным бассейнами, Петр и принимал ванну перед тем, как облачиться в свой длинный зеленый халат, в котором он обычно ходил дома. После водопоя, чудовищного в сравнении с дозой, прописываемой пани Мартой, полагалось три-четыре часа отдыха...

А мы представим себе эту ветвь петровской жизни — она осенила и русский небосклон. Как некое развитие, некое движение характера Петра, уверовавшего в целебные силы подземных источников, и даже в этой, далекой от круга его государственных забот, области, желавшего славы России, воспринимается предпринятое при непосредственном участии государя освоение отечественных Олонедских вод. Оно увенчается опубликованными в 1719 году высочайшим его указом объявлением о марциальных водах на Олонце и докторскими правилами, «как при оных водах поступать». Эти правила вобрали в себя накопленную к тому времени премудрость курортологии о времени и дозах принятия воды.

В самом указе Петра, утверждающем докторские правила, — упор на здравомыслие соотечественников... Хочется привести этот указ целиком. Вот он: «Понеже Господь Бог, по Своей к нам милости, здесь такую целебную воду явить благоволил (которая прежде незнаема была), которую не только многие больные исцелением своим освидетельствовали, но и Мы Самы со своею фамилиею и многих знатных персон присутствием и употреблением оных вод все пользу получили; и могу сказать, что паче других вод, которыя Мы двоим, а именно: Пирмонтския и Шпаданския употребляли, от сих пользу получили; того ради повелели Мы вышепомянутые правила Докторам написать, как оные воды употреблять, и какой порядок в житье и в употреблении пищи и питья содержать, дабы неведением, вместо пользы, паче траты здоровью своему кто не принес, и тем бы сей от Бога дарованный дар хулы от неразумждения простых людей не восприял. Буде же кто от упрямства своего сих регул хранить не станет, таких до употребления тех вод допускать не велели».

Одна фраза Пушкина из его «Истории» совершенно убеждает нас в мысли о непреклонной вере Петра в то, что утверждал он своим указом... В 1724 году, менее чем за год до смерти, «Петр, издав множество еще указов, отправился в феврале к Олонецким водам и лечился с 1 марта по 15»...

Но тогда, в Карловых Варах, ничто не предвещало ему мученической смерти, да и думал ли он о ней! Выдюжив при могучем своем здоровье гейзер обрушившейся внутрь его воды, он отдыхал, как было положено. Потом дефилировал по городу и окрестностям... И еще сегодня мы слышим эхо его шагов, видим следы, говорящие о поразивших Карлсбад простоте и артельности петровской натуры.

Напротив Колоннады, по другую сторону Теплы, стиснутый плотным рядом утопающих в барочной пышности домов, стоит сравнительно небольшой скромный домик в три этажа с деревянным мезонином, покрытым простой двускатной крышей. Домик этот, образец крушногогорской архитектуры, между тем очень напоминает усадьбу какого-нибудь небогатого русского «дворянского гнезда» — так живо в нем славянское начало. Весь наряд его — в деревянном кружеве, оплетшем фронтон и фасад мезонина с двумя оконцами. Ему будто неловко среди главной, самой фешенебельной, всегда оживленной улицы города. А он мог бы поспорить своей историей с богатыми и высокомерными соседями.

На лицевой его стороне крупными буквами написано: «Petr». Имя Петра носят кино и ресторан, помещающиеся в нем... Карловарские хроники утверждают, что однажды, возвращаясь из поездки по окрестностям, царь решил пройти пешком до своего обиталища и увидел, что строится (по иным источникам — ремонтируется) дом, вот этот самый, тогда он назывался «Pfaу» («Павлин») и принадлежал гражданину Бранделю. На лесах работали каменщики, приветствовавшие Петра поднятыми мастерками. А он взобрался к ним, скинул царский мундир, взял у одного из рабочих металлическую лопаточку, и все увидели, что русский царь привычен к «черной работе»...

Дом «Пфау» был в свое время снесен, когда Тепла, бурлившая под самой Колоннадой, «отодвигалась» от нее, чтоб было просторнее. Тогда на перилах правого берега повесили железную плиту, гласившую: «На этом месте до 1895 года стоял дом «Pfaу», в постройке которого принимал участие Петр Великий в качестве каменщика». На «речной» стороне плиты была надпись: «...С каменщиками Петр Великий... был каменщик...» После дом восстановили с примерной близостью к оригиналу, и он получил имя русского государя.

Очевидно, этот эпизод послужил мотивом для коренного карловара, но жившего в Вене академика скульптуры Макса Гиллера,

создавшего бронзовый горельеф «Петр Великий как каменщик». На нем — царь с мастерком, его адъютант и с удивлением глядящий на Петра рабочий-ремесленник, вся площадь — в толпах изумленных горожан... Это тонкой работы произведение установлено в каменной нише у подножия действующей и ныне православной церкви византийского стиля, в который мог проникнуть архитектор Видеман из Маринских лазней. При самом Петре церкви еще не было, потому-то он и молился перед старым католическим крестом...

Откровенно сказать, и ныне хочется викнуть в побуждения самодержца России, поднимавшие его на строительные леса дома ничем не знаменитого карлсбадца Бранделя, в то время как и здесь, в Карлсбаде, он был полон нелегких государственных забот, по существу, руководил всем, чем жила Россия. Что это было? Неуемность характера, изнывавшего в однообразной чреде лечебных процедур? Этакое русское удамство — все могу? А он в самом деле, как мы знаем, все мог: и править, и воевать, и строить крепости, корабли, дворцы... И мог под видом некоего совсем незаметного Петра Михайловича выехать в свите «великого посольства» в Англию и Голландию, где, руководя инкогнито ухищреннейшими дипломатическими маневрами, досконально изучал и тайны кораблестроения... Допустим даже и некую долю игры, забавы, думается, простительную для человека, который при отсуствии «систематического» образования, именно благодаря удивительному практическому складу, врожденной сметке не только изучил целый ряд ремесел, стал корабельным мастером первой руки, но и — к концу жизни — освоил мудрость математики, навигационного дела, военного искусства.

Мог ли он, оказавшись в деревне Пиркенгаммер, получившей свое название оттого, что в ней был «железный молот», то есть кузница, не заглянуть под продымленные, пропахшие окалиной низкие своды. Наверное, ему были близки и огонь в горне, и до блеска обитая наковальня, и сами черные от копоти кузнецы. Может быть, оглядывая меха, вслушиваясь в шум воды, которой они приводились в движение, Петр, закладывавший уральскую металлургию, благодаря которой Россия будет держать мировое первенство по выплавке чугуна, видел здесь дороговую ему «младенческую зру» того, чему он посвятил всю свою жизнь...

Он взял в руки молот и под дружный перезвон металла, под поощрительные и одновременно удивленные улыбки кузнецов выковал подкову. На счастье!

И еще доподлинно известно: по своему обыкновению Петр намеревался взять с собой в Россию многих мастеров и ремесленников. Но никто не согласился менять привычный уклад жизни и ехать невесть куда, хоть и посулы царские были соблазнительны... Пугали крайняя вспылчивость при всей его общительности, твердая рука русского государя. Вполне вероятно также, что карлсбадских

искусников останавливало сказанное императором в минуту откровения: «Я отлично знаю, что милости, оказываемые мною иностранцам, не нравятся всем моим подданным»... То, о чем говорил царь, и ныне предмет дискуссий — и находящихся ему всецело алиби, и навешивающих на него ярлык зачинателя укоренившегося в России зла низкопоклонства, дискуссий, впрочем, выходящих за рамки этих записок...

Он пришел сюда в последний раз...

Было сумрачно и сухо, как перед грозой. Протяжно гудели деревья, ветер срывал металлически звенящие листья, нес их за обрыв. Закат багровел, как угасающий горн, и огромный, выше Петра, деревянный крест на фоне его казался совсем черным. Внизу, в домах, обступивших Теплу в самом ее изгибе, там, где бьет Вржидло, начали зажигать огни, и подступавшая к Петру последнее время — по мере того, как приближался его отъезд — тревога смутно держала его. Все у него было там, в России, и сам он был уже там летящей мыслью... Но что же остается здесь?

Застарелой болью пришло воспоминание о сыне... Ведь это он, Алексей, бывший здесь раньше, посоветовал ему приехать в Карлсбад, да, собственно, прошлогодний сюда вояж и был отдан ему, Алексею... Как нечто отдаленное, нереально праздное он вспомнил поездку уже отсюда, из Карлсбада, в Торгау, на торжество бракосочетания царевича, состоявшееся «в дому королевы польской», — пришла на память фраза из официального доклада только что образованному им Сенату... Да, да, он сам, своею высшей волей заставил сына соединиться брачными узами с этой куколкой, принцессой Софией Шарлоттой Вольфенбюттельской... Он подспудно чувствовал, что надо рубить узел, образовавшийся вокруг родного сына, к великой отцовской горечи, слабого и безвольного существа... Он и сейчас с глухим гневом думал о том, что всю жизнь ему надо было что-то проламывать и ставить — начиная с пути к престолу. Проламывать брешь в Европу, ставить флот, металлургию, ставить столпы самого правления Россией. Разрывать людское недоверие, пути заговоров...

В силах ли был он понять свою собственную суть, свои слабости и противоречия, ту гениально раскрытую Пушкиным разность между государственными его учреждениями, явившимися плодом ума обширного, исполненного добродетельства и мудрости, и временными указами, жестокими, своенравными, кажется, писанными кнутом?.. В непрерывных военных и дипломатических баталиях со шведами, с турками, с крымским ханом, в кольце измен — от Софии до Мазепы, в неудержимом желании поставить новую Россию он «рубил дерево», не замечая щепок... И вот теперь он снова вспомнил болезненно бледное, длинное, всегда вызывавшее в нем глухое

раздражение лицо сына, совсем поглупевшее от близости «избранницы», от пышности стола и свадебных увеселений... Мишура торжеств рассеялась, как пух, осталось подспудное чувство облегчения, не совсем чистое, будто Петр «сбыл с рук» сына, но железным, трезвым рассудком он понимал, что только так и должно было поступить. Он как бы удалял Алексея от России, растворял в розовой дымке заграницы, голова его, государя русского, была обуреваема новыми идеями.

Стоя перед мрачным деревянным сооружением, слыша разгоряченным лицом сухое скольжение ветра, не знал еще русский государь, как горько придется ему опохмеляться и от пенившегося в свадебных бокалах вина, и от рейнвейна австрийского императора... Пройдет всего четыре года, и Петр раскроет заговор, нити которого протянутся сюда, где гремела свадьба, и сын Алексей убежит сюда, под крылышко императора Австрии Карла, — не троянским ли конем была его дарена, до краев наполненная веселящим напитком бочка! Не знал, что понадобится еще два года, чтобы вернуть на родину несчастного отпрыска, судить и... подписать ему смертный приговор...

Много было впереди и славы, и горечи, и тревога, владевшая им последние дни, звала его в дорогу, толчками стучала в ясно работающий ум, в прошившие настоящего дела руки. Он долго, истово клал перед крестом земные поклоны. Потом подошел близко к нему, вынул из поясного чехла нож и на самом подножии прорезал темное дерево четырьмя буквами — M. S. P. I. Буквы означали — *Manu sua Petrus I*.. Потом крикнул тем, кто по обыкновению ждал его в отдалении, чтобы подали шампанского. Он поднял бокал, погруженный в глубокую думу, по лицу пробежали багровые блики заката, выпил до дна и кинул в пропасть...

Люди найдут этот бокал с обломанным краем, и он будет храниться ими более ста лет...

Память о самом Петре живет поныне...

Вот этот, резких, энергических линий лик, эти — сейчас вздрогнут, встопорчатся — короткие стрелки усов, эти устремленные вдаль, что непреклонно таящие глаза...

Чтобы прийти на скалу, откуда, по преданию, улетел в пропасть олень, нужно взбираться и взбираться от городского тупичка по извилистей, хрустящей ледком тропинке, пролегшей по склонам среди гранитных глыб и деревьев, — все выше, выше, к самому небу, почти уже мартовскому, густо-синему, с краснотой от набухших почек деревьев. Воздух легок, как сновидение, и, как сновидение, хмелит, перепутывая в тебе явь и фантазию. Повернувшее на весну солнце

¹ Приближенно: «Собственноручно Петр I» (лат.).

подплавило снежок, отпотели бурые каменные пласты, и, если взглядеться, вслушаться, можно заметить, как в черной трещине перекапывается капля влаги, падает на другой камень со звуком, напоминающим синичий звон. А может, это впрямь запели весенние синицы? А может, время отсчитывает дни в изветренных, потрескавшихся камнях?

Мы поднялись сюда вшестером — трое мужчин с женами, и это, конечно, случайность, что мы — это белорус Александр Васильевич Лобанов, Герой Советского Союза, прославленный в войну летчик-истребитель, кстати, дравшийся с врагом в небе Чехословакии и долечивавший раны здесь, в Карловых Варах, со своей «половиной», Марией Игнатьевной, пожизненной его спутницей в радостях и печалях, и таджик Муса Исаевич Усманов, не перестававший и на курорте думать думу о делах края, о хлопке, тоже с женой, скромной красавицей Рафоат, похожей на девушку матерью пятерых детей... Наверное, это случайность, но вот нас всего горстка, а мы представляем здесь даже не три, а с женой одного из нас, украинкой, четыре народа нашей далекой Родины, мы объединены одним чувством и одними святынями, и они позвали нас сюда, на срез высокой скалы.

Нет смыкавшихся над его головой сумрачных крон, нет кровавого заката, нет большого черного креста... Каменная голова Петра обнажена, ему, как при жизни, — ветер в грудь, слепящее солнце в глаза, секущий дождь и вьюга в лицо...

Великий Петр, твой каждый след
Для сердца русского...

Почти черная гранитная полированная доска отблескивает, слова сливаются — трудно прочесть... Но в тебе уже возникла, вибрирует, как телеграфный провод, та самая связь, которая заставила тебя взбираться на каменный уступ, откуда все началось — и легенда, и явь, воистину дорогая русскому сердцу. Протекшие три века, изветрившие и рассеские камень, как бы переломились посредине, и там тоже был русский человек, соединивший две дали — прошлое с будущим, — князь Петр Андреевич Вяземский.

Наше социальное мышление неколебимо, и мы знаем, что тогда Карлсбад посетил не тридцатилетний опальный поэт, друг декабристов, глубоко переживший жестокий царский приговор, но потомственный образованный князь, уже принявший формулу «самодержавие, православие, народность», далеко не молодой, с тяжело расстроенным здоровьем, человек, который скоро покинет Россию и последние двадцать лет проживет в Баден-Бадене... Ни Константинополь, ни Иерусалим, ни Париж, ни Дрезден не смогли восстановить в нем молодых сил, и поздней осенью 1852 года князь начал лечение

в Карлсбаде. «Оно,— читаем в одной из хроник,— имело хорошее влияние, его состояние улучшилось, охота к работе и стремление к творчеству возвратились...» Зимой Вяземский живет в Дрездене, затем снова возвращается в Карлсбад, и хроники делают еще более оптимистическое заключение — в них уже есть фраза о возвращении «юношеских сил»...

Очевидно, они-то и повлекли его на скалу, где бывал Петр. Здесь он увидел старую памятную доску. Здесь рождается его ода:

Великий Петр, твой каждый след
Для сердца русского...

Князь велел занести стихи на доску и поставить рядом с той, что уже была. Через полтора десятка лет неизвестный нам переводчик переложит их на немецкий язык, и перевод будет помещен под доской с русским текстом и тем соблюден некий «этикет» в установившейся политической атмосфере курорта.

Еще через десять лет пражский академик скульптуры профессор Зейдан попросит у городских властей позволения поставить памятник тому, от чьего имени уже неотделим Карлсбад, и оно будет дано с величайшей готовностью. Сам скульптор предложит и место для бюста — скалу, как бы дважды ставшую легендой. С нее, по уже ходившему сказанию, напуганный охотниками императора Карла, кинулся в пропасть олень. На ней, по ставшей известной рукописной хронике бургомистра Деймеля, предки которого были карлсбадскими патрициями, Петр Великий творил молитву. Очевидно, это было решающим в выборе места для памятника — там огромный дикий камень образовал пьедестал. В следующем году памятник был поставлен, 12 июня 1877 года состоялось открытие. В течение лет бюст обновлялся, памятные доски заменялись новыми, но и теперь гласит гранит:

Великий Петр, твой каждый след
Для сердца русского есть памятник священный,
И здесь, средь горных скал, твой образ незабвенный
Встает в лучах любви, и славы, и побед.
Нам святы о тебе преданья вековые,
Жизнь русская тобой еще озарена,
И памяти твоей, Великий Петр, верна
Твоя великая Россия!

1853 г. Кн. П. Вяземский.

Автобус несет шмелиный гул мотора по стремительно летящей ленте асфальта, как сквозь игольное ушко, проходит через тесные улочки старых городков, ввинчивается в то падающие вниз, то

взмывающие вверх повороты среди рощ, напоминающих наше Подмоскowie, среди неожиданно, как бы искусственно крутых холмов с развалинами крепостей, среди зазеленевшей озими, и вот уже впереди — Прага с поднявшимся над ней Градом, стрельчато проштрихованными небо костелами, заводскими трубами, осветительными щитами стадионов. Город огромен. И уже здесь, в каменных ущельях улиц, навидавшись его красот и памятников, ты подсознательно чувствуешь все же какую-то незавершенность, неполноту чего-то, может быть, самого тебе святого... И наконец, вот оно, это место, — оазис еще голых деревьев, чистых дорожек, тишины... Кладбище советских воинов... Овечьи печалью белые мраморные столбики... На них имена... Рядовые, сержанты, лейтенанты... Двадцати, двадцати двух, двадцати четырех лет... Из Новгорода, Чернигова, Еревана...

И вдруг, как далекое слепящее зарево — твоя собственная боевая юность. Ты не дошел до Праги. Но ты видел дымящийся Брно. Там, меж черной застени, сражался с врагом восставший город. Город бил в колокола — звал тебя. И ты шел к нему. И рядом с тобой были они же, рядовые, сержанты, лейтенанты двадцати, двадцати двух, двадцати четырех лет. Из Москвы, из Бобруйска, из Ферганы... Они дошли до Праги. И Прага забрасывала их танки цветами... И теперь ножевой болью полосуют тебя годы их гибели — 1945... 1946... 1947... Они погибли от ран. Но многие погибли в продолжавшейся схватке с врагом — так долго огрызалась война, так трудно утверждалась свобода, так горька судьба мальчишек, нашедших последний приют вдали от родных полей.

А там? Что темнеет там, за рябцами в глазах столбиками? Подходишь, стоишь, и длится, длится в тебе только что испытанная печаль...

Черный гранитный пьедестал, распростерший крылья орел — черное, будто обугленное, литье... Из какой-то далекой дали проступают слова:

Памятник храбрым российским офицерам, которые от полученных ими ран в сражениях под Дрезденом и Кульмом в августе 1813 года в городе Праге померли. Да пребудет священ ваш прах сей земле. Незабвенны останетесь вы своему Отечеству.

И — высеченные на граните списки... Подполковники, корнеты, поручики, прапорщики. Сжимающие сердце русские имена...

И они пали вдали от Родины.

Август 1813-го. Тень Наполеона над Европой. Пройдены нескончаемые позорные версты бегства из России. Но Россия пришла сюда по своему союзническому долгу, как бы предвосхитив уже наш великий

освободительный поход, закончившийся победой над иным зловещим завоевателем... А тогда именно в Богемии стояла главная, так и называвшаяся — Богемской — армия шестой антинаполеоновской коалиции под командованием прославившего русское оружие фельдмаршала Барклая-де-Толли. 15 августа возобновились военные действия походом на Дрезден. Бравые казаки сотни вошли в Карловы Вары. И вся армия через горы вступила в пределы Саксонии. Загремело сражение, вошедшее в историю войн под названием дрезденского, в котором союзники потерпели поражение, — французский маршал Вандам отеснил их войска через Рудные горы обратно в Богемию, до самого Теплица, и вот тут-то, когда инициативой владел Наполеон, пытавшийся окружить и уничтожить отходившую союзническую армию и выдвинувший в обход ей корпус маршала Вандама, и развернулась битва при Кульме. День и второй длились изнурительные бои. Пятнадцатитысячный русский отряд генерала А. И. Остерман-Толстого отразил попытки французов выйти в долину, а затем, получив подкрепление, союзные войска, при общем руководстве русского фельдмаршала, искусно маневрируя, окружили и наголову разгромили Вандама. Но какой ценой! Пять тысяч человек потеряли французы и девять тысяч солдат и офицеров союзной армии, большая часть которых были наши соотечественники, остались на поле боя.

Вот чем жествовала Россия! И, наверно, в этом есть глубокий смысл, когда рядом, осененные белым мрамором надмогильных стел и черными от времени крылами — такого же, как на Бородинском поле, как в Севастополе! — орла, лежат прадеды и правнуки, незабвенными оставшиеся своему Отечеству...

Помещение верхней станции лановки (фуникулера), ведущей изпод самого «Империала» сквозь горную толщу вниз, к Вржидло, — это красивый каменный особняк. В ту пору он был обставлен лесами, лановка капитально ремонтировалась, уже давно вызывая наши сетования на неудобства сообщения с источниками, смиряемые, впрочем, подмеченной особенностью работы карловарских строителей и реставраторов, ставящих во главу угла не темпы, а качество. До источников было два пути: либо спускаться по крутой, заставленной небольшими старыми глухими домами, мощенной булыжником улочке (помните — мимо собора Марии Магдалины?), либо петлять на специально выделенном автобусе по серпантину дороги, идущей с другой стороны высоко взобравшегося «замка» «Империала» (помните — огнедышащие «кометы» в предрассветной, предвесенней сини), — огибая гору, на которой стоит санаторий, она вливается в центральную улицу, ведущую к Вржидло и Колоннаде... То и другое не совсем приятно: опасно скользкая при спуске, изнурительная при подъеме улочка или ожидание автобуса, а затем невероятное

напряжение рук при закладываемых карловарскими шоферами виражах...

Так, спустившись по двору «Империала», как бы заставленному абстрактной, состоящей из каких-то немислимых культей скульптурой — такой вид путем ежегодной подрезки ветвей придается чудесному дереву каштану (весной, летом, в «свечах», в листе «скелет» все же приобретает живой, привычный облик), — мы с женой вышли к «особняку» лановки, подспудно испытывая легкую муку выбора между автобусом и «своими двоими». На асфальтированном пяточке стоянки, от которой, собственно, и начинаются оба пути, толклась группка наших «империальских», явно привлеченных ждавшей маршрутного автобуса супружеской парой — двумя очень немолодыми людьми. Он, высокий, худой, в тощенькой потертой шапочке с завязанными наверху тесемками, в темном пальто, с аскетическим, интеллигентного склада лицом, и она, непрестанно улыбающаяся чисто, до каждой морщиночки промытым лицом, обложенным плотными седыми, голубоватого оттенка, буклями, очень гармонировавшими с такими же, блеклой сини, глазами, с серым каракулевым отложным воротником весьма приличного темно-синего пальто. Оба они прекрасно говорили по-русски, да и с первого взгляда в них можно было различить нашу родную кровь. Конечно же, это были эмигранты, и разговор, начавшийся до нас между ними и их земляками, как всегда в таких случаях, несколько настороженный, касался судеб, которые привели их когда-то на чужбину. Мужчина, чувствовалось, характера замкнутого, был немногословен и сказал только, что в молодости был слишком подвержен славянскому патриотизму и с этим чувством пошел на первую империалистическую, и вот «осел» здесь, в Чехии, еще до революции... Жена его, сохранившая, было видно, большой интерес к жизни (она только что от парикмахера!), рассказывала, что раньше здесь, в Карловых Варах, было веселее, существовала русская община, устраивались вечеринки и прочее, но все поумирало, только их с мужем еще носит земля... При этих словах затаенная печаль пролилась в ее голосе и живые чистые глаза улыбались грустно и горько...

Если бы тогда знать, кто был он, высокий, очень немолодой мужчина в немодном темном пальто, с сухими цепкими пальцами, сжавшими набалдашник трости... А был это сын русского художника Василия Васильевича Верещагина, писавшего войну, вызывая ненависть к войне, сильно колебавшего в свое время умы в ту и другую сторону... «Замечательный, крупный, сильный... талант», — восторгался И. С. Тургенев... «Либо Верещагин скотина, или совершенно помешанный человек», — гневался Александр III, увидев картины цикла о русско-турецкой войне. Не принимавший, судивший в своих полотнах войну, Верещагин, чтобы ближе увидеть ее страшный лик, добровольно участвовал в боях, был ранен, был на грани смерти

в госпитале... «В жар, в лихорадку бросало меня, — рассказывал он, — когда я смотрел на все это и когда писал потом мои картины; слезы набегают и теперь, когда я вспоминаю эти сцены». И погиб он все-таки в бою, на броненосце «Петропавловск», когда его сыну, тоже Василию, было двенадцать лет...

Четыре года назад, после долгих хлопот, в Ленинграде, в издательстве «Художник РСФСР», Василий Васильевич, никогда в своем далеке не прекращавший связей с родиной, выпустил, к сожалению, мизерным — десять тысяч экземпляров — тиражом ценнейшую книгу об отце, Василии Васильевиче Верещагине, со вступительными статьями П. Оссовского и А. Лебедева, и уже она приоткрыла завесу над тем, о чем не хотелось ему говорить на автобусной остановке... О том, что родиной его остается Москва. О том, что после гибели отца, трагической смерти матери, смерти двух сестер он, оставшись круглым сиротой, не доучившись на юридическом факультете Московского университета, в самом начале первой мировой войны добровольцем отправился на фронт, прошел войну до конца, дослужившись до поручика, как и отец, был храбр, был ранен, был награжден Георгиевским крестом... В гражданскую войну находился за рубежом... Поселился в Праге, бедствовал, окончил институт путей сообщения, долгие годы работал на строительстве шоссейных дорог... В Праге и встретил будущую супругу, дочь крупного киевского государственного или военного чина... Нет, это отнюдь не «хорошо пожившие люди». Они стали стары, одиноки и, может, держались-то на земле тем, что светила издали дорогая Россия.

Так причудливо переплетаются судьбы, время, и порой одна жизнь — как мост из века в век, как нить невидимых и многозначных связей, не дающих нам скитаться в бесплодной пустыне.

Нижние этажи старого, одетого лепкой дома, возвышающегося над людским водоворотом наискосок от Колоннады, превращены в совершенно современное — алюминий, стекло, пластик — помещение. Здесь вместе с музеем Карла Маркса расположен Дом советской науки и культуры. Здесь работает группка чрезвычайно сердечных, приветливых людей, говорящих по-русски. Здесь ровно и незатухающе горит очажок Родины, к которому пригласят всех, кто способен «подложить дровец» в большой костер дружбы двух народов. Нужно было бы занять много места перечислением имен побывавших под сводами Дома советских общественных деятелей и ученых, писателей и композиторов, рабочих и колхозников, космонавтов и строителей, которые из его дверей нашли дорогу на стройки и предприятия, в лаборатории и концертные залы, — словом, к людям, к сердцам, стучащим в унисон.

В тот день и мы с сотрудницей Дома Рудой Бауэровой вышли из его стеклянных дверей, и, собственно, с того момента моя спутница, долго жившая в Советском Союзе, окончившая наш институт, считающая русским вторым родным языком, стала для меня счастливо найденным двигателем рождавшегося замысла записок — организатором встреч с людьми, что-то помятими, что-то знающими, что-то хранящими, переводчицей, бывало, настолько «входившей в роль», что, забывшись, начинала жестами, мимикой, совсем как это делаем мы, растолковывать что-нибудь чехам по-русски, к общему веселому оживлению, когда обнаруживался языковой казус... В тот день мы отправлялись на первую встречу с Карелом Нейдлом. Несколько лет назад, в дни его семидесятипятилетнего юбилея, об этом человеке было сказано буквально: «Он является символом Карловых Вар, их живым инвентарем в самом лучшем смысле этого слова, их ходячим словарем, информирующим о каждом событии в этом городе, давно ли миновшем, новейшем ли, важнейшем, но ушедшем от нашего внимания и позабытом...»

Это был человек, нужный мне позарез.

Впрочем, первая встреча уже была — там же, в тихом, притененном залеце Дома, со стены которого, с крупной фотографии, струится свет всему миру знакомой гагаринской улыбки. Руда условилась с Карелом об этой встрече, и в ожидании его мы сидели за маленьким столиком в вестибюле в обществе неременной участницы всего, что делается в Доме, — круглолицей, благодушной Марушки, одетой в форменный, почти мужской костюм почтового курьера, и между двумя праздными сигаретками, между двумя чашечками кофе прислонившей к стенке свою «походную» сумку на колесиках. И тут в дверях появился быстрый, худощавый, в коротеньком, под замшу, пальтеце, человек с тонким, подвижным, чутьчку привядшим лицом; за большими, в тонкой белой оправе, очками играли внимательные глаза. Это и был Карел Нейдл, которому теперь уже подкатывало к восьмидесяти и который, как убедило общение с ним, вполне может служить иллюстрацией мудрой мысли о том, что возраст бежит от людей, увлеченных делом, которое стало их жизнью...

Я уже был наслышан о «диапазоне» этого дела. В молодости Нейдл три года учился в Париже, в высшей экономической школе, затем работал в легиобанке в Пльзене, а сразу же после войны (хочется даже уточнить — последней, второй мировой) открывал национальный банк в Карловых Варах. Но интересы его вышли за раздвижные решетки почтенного заведения... Он воскрешает всегда славный в городе, но загубленный фашистской оккупацией спорт, восстанавливает международные курсы по усовершенствованию врачей, организует выпуск памятных карловарских медалей, «настраивает» тоже неотделимую от Карловых Вар и тоже замолкнувшую в войну музыкальную жизнь города и бог знает чем занимается еще...

Думаю, нетрудно понять нетерпение, с которым я ожидал встречи с Нейдлом и шел к нему на квартиру. Мы с Рудой поднимались по чистой аристократической Садовой, пока не достигли дома старой богатой постройки, имевшего название «Белль Альянс». Потом взбирались на шестой или седьмой, помню только, что последний, этаж нескончаемыми лестничными маршами (лифта в доме нет), созерцая по пути все, что дает перестройка ставившегося богатым владельцем дома в коммунальное жилье, — истертые стены, унылую расцветку панелей, заставленные коробами площадки перед дверьми, — при всем при том коренной карловарец никак не желает менять «коммуналку» в центре на «все удобства» новых, увы, распространено стандартных застройек окраин... На каждом этаже я с надеждой взглядывал на Руду: не здесь? Нет, выше, улыбалась она, стараясь скрыть, что при значительной разнице в возрасте и ей нелегко дается «восхождение», и так судьбе угодно было затащить нас под самую крышу и в довершение ко всему сыграть совсем скверную шутку: Карела Нейдла не оказалось дома. Говоря что-то о его пунктуальности и, подозреваю, ужасаясь перспективы повторного преодоления высоты, Руда долго нажимала кнопку звонка, но квартира молчала, когда где-то в глубине лестничной шахты послышались легкие бегущие шаги. Короткими, в лестничный марш, очередями они взлетали и взлетали к нам, пока не предстал перед нами сам Карел, впрямь чем-то похожий на птицу в своем коротеньком летящем пальтеце и больших круглых очках, за которыми лучились не понимающие причин крайнего нашего изумления глаза... Признаться, у меня спало с души, что в муках подъема на этажи отнюдь не нынешней малометражной мерки я как-то не подумал о том, каково же приходится восьмидесятилетнему Нейдлу, совершающему сей путь не единожды на дню...

Потом мы сидели за большим столом, заваленным книгами, папками с документами, рукописями, газетами, журналами; все это громоздилось и на стеллажах, среди старых картин и гравюр. Уловив мой интерес, с которым я разглядывал квартиру, карловарский Пимен заметил, что глубоко благодарен жене — хотя бы за пожизненное терпение к этому хаосу... Вообще же разговор складывался не сразу. Я сказал, что занимаюсь исследованием связей, издавна существующих между Россией и Карловыми Варами и упрочившихся в наше время. Они видны при первом же беглом взгляде на город — в памятниках, мемориальных досках, названиях улиц... Скажем, лучший отель Карловых Вар, названный когда-то «Пупп» (по имени предпринимателя-застройщика), в недавнем прошлом стал именоваться «Москва»; одно из прекраснейших городских строений — Колоннада Йозефа Зитека, под кровом которой бьет большинство карловарских источников, и в их числе Млынский (Мельничный — сразу же переведет украинец), давший ей название, после второй мировой стала

именоваться Колоннадой чехословацко-советской дружбы, так же как центральная улица города — улицей Героев Дуклы (Дуклинских перевалов, где шли жестокие бои за освобождение Чехословакии). Но связи, о которых я говорил, лежат гораздо глубже, в недрах самой человеческой сущности, исторически, духовно сложившейся близости наших народов, и мне нужно добраться до корней...

Наша беседа была похожа на слепой, только начавший жить весенний ручеек, еще не знающий, по какому руслу он потечет. Вспомнили о чугунной доске, укрепленной на красноватом выступе скалы прямо над тротуаром, но все-таки в некоем уединении, удалении от улочки-дороги, по которой, визжа на выражах, проносятся автобусы: «Бесконечная благодарность милому Карлсбаду за излечение мучительного недуга. Артистка императорских С.П.Б. театров Мария Савина 1898-1900 гг.»

Впервые увидев эту позеленевшую от сочащейся сверху влаги доску на изрезанной расщелинами скале, я испытал какую-то щемящую печаль от горького признания знаменитой русской актрисы. Сколько о ней у нас написано! И заслуженно — такой яркий след она оставила в отечественной культуре, играя в пьесах Гоголя, Тургенева, Островского. Но вот, оказывается, и она была больна, и ее привечали Карловы Вары... Та же печаль, как при встрече с близким и уже очень далеким человеком, владела мною и теперь. Карел Нейдл тоже погрузился, сказав, что, к сожалению, сведений о пребывании в городе Марии Гавриловны Савиной мало. Известно лишь, что впервые она была здесь проездом в Россию из Берлина, когда играла в спектаклях Пражского театра, что переводчиком у нее был... священник православной церкви... Тогда же писалось о Марии Савиной в пражском журнале «Дивadlo» («Театр»), у Нейдла этот номер не сохранился...

Неожиданно речь зашла о Мариэтте Шагинян, с которой Нейдл был знаком и вел переписку: он показал нам открыточку, написанную ею по-французски четким, молодым почерком. С комическим выражением утери некоего приоритета он рассказал, как они вдвоем предприняли прогулку по Огрже и как она стремительно шла — он еле поспевал за нею... Правда, это было почти четверть века назад, сказал Карел, и разбежавшиеся по лицу совсем не старящие его морщинки снова приняли надлежащее положение. Он говорил о поразительной широте познаний Мариэтты Шагинян, о ее во все проникающем уме. Здесь, в Карловых Варах, она очень интересовалась чешским композитором и дирижером Мысливечком, другом Моцарта, говорила о том, что будет разыскивать его следы в Италии, что собирается писать о нем...

Хозяин квартиры оживился, вскочил, стал выхватывать то одно, то другое из ящиков, из низкого шкафа с темнеющими в нем широкими корешками папок, со стеллажей, и круглый стол, за которым мы

сидели, вскоре стал похож на игорный, когда идет крупная игра: вырезки из газет, рукописи, фотографии покрыли его, а Карел все «метал»... В руках у меня оказалась фотография с рисованного портрета Глинки: был ли в Карловых Варах великий композитор? За портретом своя история: Глинку рисовал чешский художник Иржи Кордик, а известно, что он ставил своей целью создание галереи портретов выдающихся людей, бывших в Карловых Варах, и с тем четыре раза приезжал в Россию... В его папке сохранилось триста портретов представителей многих народов, среди них обнаружен и этот очень изящный рисунок... Есть еще портрет Айвазовского, много портретов неизвестных, вернее, неопознанных лиц... Но ни Глинки, ни Айвазовского нет в списках посетителей курорта. Возможно, оттого, что гости города, находившиеся в нем менее четырех дней, не платили курортную таксу, а следовательно, не заносились в списки... «Возможно, возможно...» — бормотал про себя Карел Нейдл, и по его отстраненному лицу было видно, что папка Иржи Кордика лишит его покоя и сна.

И вдруг — вот оно, русло! Павлов. Иван Петрович Павлов, великий, легендарный русский физиолог...

В 1959 году в Карловых Варах скончался уважаемый гражданин города, активный участник антифашистского движения в Чехословакии, с чьим именем связано восстановление курорта от военной разрухи, — доктор Милан Микса, многолетний друг Карела Нейдла. Он тоже все начинал в Карловых Варах при утверждении новых социальных основ — все ставил наново в обезображенных фашистами, глухо молчавших зданиях здравниц, бывших немецкими госпиталями... О докторе Миксе в городе ходят целые предания — о его неугомонности, человеколюбии, скромности и — не в меньшей мере — о никогда не изменявшем ему чувстве юмора, о доброй его «чудаковатости»... Но подлинным его ореолом осталось длительное знакомство и тесная связь с Иваном Петровичем Павловым, с его деятельностью, первым преемником и продолжателем которой в Чехословакии он, возможно, был. Павлов же торжествует в Карловых Варах не только в названиях института и улицы, даже не в памятнике, стоящем на лужайке посреди центрального городского парка, и не потому, что он приезжал сюда — его приезд носил личный характер, — Павлов живет в идеях, на которых зиждется служение человеку бесценного природного дара, в самих п р и н ц и п а х исцеления от недугов. Ведь Павлов, разрабатывая новые методы физиологических исследований, познавал жизнь организма как единого целого, находящегося в неразрывном и постоянном взаимодействии с окружающей его средой. С природой! Исполинская гуманная мысль нашего соотечественника царит и здесь, вдали от России...

На столе появятся все новые и новые документы... Вот фотокопия письма Ивана Петровича доктору Миксе, вот крохотная,

видно, любительская, проявленная «с передержкой» фотография: И. П. Павлов и И. Е. Репин, 1929 год, вот... Я беру в руки толстую, «конторского» формата, тетрадь в линейку, исписанную четким, с небольшими исправлениями, почерком. Впиваюсь глазами в первые строки — увы, написано по-чешски. И все же это непосредственный — уверен, что ценный документ,— рассказ о молодых годах семьи Павловых, записанный со слов жены Ивана Петровича женой доктора Миксы в 1908 году, когда карловарцы были у своих друзей в Петрограде... Признаться, большое желание было «выудить» тетрадку у Нейдла, перевести в Москве на русский язык и опубликовать с комментариями хорошего павловеда... Не дал! Вежливо отклонил предложения о расписке или любом ином залоге: сработал рефлекс — павловский! — собирателя... Переводится там, в Карловых Варах, дай-то бог чтобы прибавился еще один штришок к портрету ученого, принадлежащего России. И миру.

От доктора Миксы и перешло к Карелу Нейдлу «личное дело» Ивана Петровича.

Знакомство Милана Миксы с Павловым состоялось в 1898 году, когда молодой карловарский врач сопровождал в Россию двух профессоров на конгресс, проводимый организованным при деятельном участии Павлова Институтом экспериментальной медицины, где он заведовал физиологическим отделом. То, что делал русский врач, преломивший в медицине революционные идеи Герцена, Белинского, Чернышевского, Добролюбова, с поразительной смелостью продолживший открытия отца русской физиологии Сеченова, настолько захватило Милана Миксу, что уже вся последующая его жизнь прошла под знаком учения Павлова.

Курортный врач, он занимался в то время обычным и прямым своим делом — изучением действия карловарской воды на слизистую оболочку желудка. К кому же было обратиться ему свой взор, как не к Павлову, который, еще учась в Петербургском университете, а затем в Медико-хирургической академии, получил свои «ранние» золотые медали, а в 1904 году, уже будучи членом-корреспондентом Академии наук, — Нобелевскую премию именно за исследования по физиологии пищеварения вкупе с разработкой учения об условных рефлексах. Все же, думается, была доля азарта в приложении карловарским врачом павловских завоеваний к своим опытам. В дальнейшем, захваченный гораздо более значительными «павловскими» целями, Милан Микса отложил прежнюю работу. И, однако же, именно первоначальная идея в 1908 году повлекла его с женой в Петроград к ведущему профессору по кафедре физиологии реорганизованной из Медико-хирургической — Военно-медицинской академии Ивану Петровичу Павлову, одновременно возглавлявшему физиологический отдел института экспериментальной медицины, где за долгие годы он и выполнил свои главные исследования.

Картина жизни Миковых в Петрограде рисуется в основном по письмам к родителям жены Милана, которая очень подружилась с супругой знаменитого физиолога. Кстати, в России молодая чешка чувствовала себя, вероятно, свободнее, чем ее муж: с детства она любила русский язык, в шестнадцать лет стала посещать русский кружок в Праге, организованный из чувств славянской близости, шедших еще из тех времен, когда чешские народные просветители считали обязательным паломничество в Москву, Киев или Петербург... В России она была как дома, и ее критические реплики о кое-каких сторонах романовской действительности, скажем, об испытанном ею самой произволе царской цензуры, объясняются желанием видеть мир лучше, чем он есть на самом деле. Тем большую ценность представляет ревниво хранимая Карелом Нейдлом «конторская» тетрадь — список рассказа жены Павлова о их житье-бытье с Иваном Петровичем, — ее не коснулось ничье постороннее око. Предугадываются также доверительность, искренность изложения, возможные лишь при тесной общности двух женщин.

В письмах Микова не жалеет эпитетов, восторгаясь величием и красотой Петрограда, описывает посещение картинных галерей, восхищается полотнами Репина и Верещагина. Она пишет, что в институте Павлов предоставил мужу кабинет, где на протяжении четырех месяцев он будет практиковаться рядом с учителем... «Милан, — читаем в одном письме, — посетил знакомых профессоров и был дружески принят ими... Но сейчас совершенно погружен в работу у Павлова. Трудится с восьмью до четырех или пяти часов пополудни... Сразу же по приезде получил для проведения опытов двух уже оперированных... — и совсем по-женски, с явной долей сострадания, — ...собачек....» Муж добавляет в постскриптуме, что в течение дня не смеет отойти от своих «подопечных» и вынужден «поститься», зато по вечерам у них лукулловские пиршества...

Там, в Институте экспериментальной медицины, чешский врач и написал свою работу «О секреторной деятельности желудка» — она напечатана в Праге в 1910 году... под весьма выразительной подписью: доктор Милан Микса из Карловых Вар. На тридцати страницах описывается доверенный ему Павловым контрольный опыт с возбужденной горячей водой слизистой оболочкой желудка... Горячая вода, напоминая врачу о Карловых Варах, имела совсем другое назначение...

Ответный «визит» Павлова в Карловы Вары состоялся без малого двадцать лет, уже в советское время, когда, согретый вниманием самого Ленина, с новой силой расцвел гений Ивана Петровича. Уже он был удостоен почетных званий многих отечественных и зарубежных научных учреждений, академий, университетов, обществ. Но не каприз светила повлек его на знаменитый и модный курорт, и мы еще увидим, с какой тревогой отрывался он от дел образованной по декрету

Совета Народных Комиссаров «столицы условных рефлексов» в Колтушах под Ленинградом: он был уже стар, а многое предстояло довести до конца...

Давно когда-то Ивана Петровича беспокоил желчный пузырь. Но будто бы и «пронесло»: двадцать пять лет никаких рецидивов. И вдруг в январе 1927 года резкие, незатихающие боли. Консилиум принял решение об операции. И она прошла успешно. Тогда-то Павлову и предложили трехмесячное послеоперационное лечение карловарской водой. Он протестовал, заклинал дать ему возможность работать. Консилиум был неумолим... Итак, в июне с тяжелым сердцем Павлов прибыл в Карловы Вары «в сопровождении» жены. Отказался поселиться в комфортабельной гостинице, не принял приглашения Миксовых жить у них. Сам нашел себе комнату — на Хебской улице (ныне проспект И. П. Павлова) в доме «Курфирст». Отказ от лучших «предложений» объяснял желанием пожить в простой чешской семье. Думается, были другие причины: досада по поводу невольного «изгнания», желание уединиться от общества, жаждавшего видеть знаменитость. Курортным врачом, естественно, был Милан Миска.

Женщины снова, как в Петрограде, были вместе. Павлов тоже не прочь был побродить по окрестностям с доктором Миксой. Но все же через шесть недель взбунтовал. Все у него в порядке! В Ленинград, в Колтуши, к опытам!

И спустя два года он не переставал гневаться на врачей, «упекших» его на курорт, считал поездку лишней. Это настроение открыто высказывается в письме Ивана Петровича карловарскому ученику в дни своего юбилея. Вот это письмо... Знакомый, как бы старательный, с сохраненным «ять», почерк, ровные строки на линованной бумаге:

«20 ноября

Глубокоуважаемый

Милан Васильевич.

Большое спасибо Вам и Вашей супруге за теплый привет к моему 80-летию. Наше пребывание в Карлсбаде очень нам памятно и по дружескому приему, которым мы пользовались у Вас, и по пользе, которую оно принесло моей жене. Мне-то, собственно, не от чего было лечиться. Освободился от проклятого камня — и потом пошло все своим порядком. Теперь все время чувствую себя вполне хорошо и работаю по-старому. Очень благодарен Вам за приглашение на Ваш съезд, но приехать не могу. Должен... посидеть и отдохнуть дома, так как последние два года пришлось выезжать за границу.

Сердечный привет от меня с женой Вашей супруге и Вам.

Ив. Павлов».

За год до этого Иван Петрович подарил Гермине Миксовой только что вышедшую четвертым дополнительным изданием книгу «Условные рефлексы. Двадцатилетний опыт объективного изучения высшей нервной деятельности (поведения) животных». Титульный лист этой книги с дарственной надписью, так же как и автограф письма Павлова, помещены Карелом Нейдлом в чехословацкой печати...

А в тот юбилейный, 1929-й, в Карловых Варах побывала дочь Ильи Ефимовича Репина Вера. Она и подарила Миковым фотокарточку, на которой запечатлены отец и его друг, единомышленник Иван Петрович Павлов, и которую мы с Рудой Бауэровой видели у карловарского историка...

Спасибо, дорогой Карел, за то, что сохранил страничку биографии моего прекрасного соотечича: так важна пусть малая толика к тому, что мы знаем о великих... У нас есть пословица: кто говорит, тот сеет; кто слушает — собирает. Теперь сбереженная тобой страничка станет достоянием советского читателя...

Спасибо, исцеляющие тело и душу Карловы Вары, за вашу неподкупную память, за ваши статуи и доски, увековечившие прекрасный лик моей Родины, за бережение каждой нити, соединившей два народа и две земли.

5

Карловы Вары... И Карлсбад...

Испытываю какую-то смутную тревогу, какой-то холодок, когда слышу второе название... Хотя никак нельзя отказать ему в правомерности — в его первородном значении. Под этим именем, при совершенно очевидных славянских корнях поселения, город получил правовое признание в Нюрнберге, а изымать абзацы из летописей — занятие малопочтенное. Под этим именем город стал известен во всем мире. И все же подлинное торжество подлинной истории — это другое имя, возникшее в глуби веков и громко звучащее на новом этапе мирового развития, — Карловы Вары...

«Карлсбад...» на этикетке зеленой фляги карловарского ликера — бехеревки, размееется, традиция, идущая от лучших романтических времен города... Но Карлсбад — это и худшие его времена...

Наше столетие. Нависшие черной тенью Гитлера тридцатые годы — мрачна она над Чехословакией, граничащей с Германией.

1933 год — образование судетско-немецкой партии. Ее руководителем в Карловых Варах стал книготорговец Франк. Эта партия была в Чехословакии филиалом той самой, отвратительно известной гитлеровской национал-социалистической. В Праге во главе филиала стоял Конрад Генлейр. Он-то и избрал Карловы Вары, находившиеся под многолетним немецким влиянием, исходным пунктом решительного выступления против Чехословацкой республики. Т р е б о в а -

н и е: широкое участие в управлении страной немцев; автономия для нацистски настроенных немцев в пограничных районах страны. У г р о з а: раскол республики. Т р е б о в а н и е: аннулирование чехословацко-советского и чехословацко-французского договоров о взаимопомощи, подчинение фашистской Германии. У г р о з а: ликвидация Чехословакии как самостоятельного государства...

И уже целый мир стоял на грани величайших потрясений — с «прелюдией» в Испании, с последней «каплей» в Чехословакии, отданной Гитлеру западными державами, подписавшими Мюнхенское соглашение. В октябре 1938 года Карловы Вары стали частью «третьей империи» и были включены в состав Судетской жупы. Это снова был Карлсбад.

И когда грянула война, его природный дар, его дворцы и санатории были отданы тысячам недобитых фашистских выползней, которых там, в России, карал советский меч возмездия... Он достал и сюда в мае тысяча десятков сорок пятого. Тогда уже пал Берлин. Но Прага, восставшая против гитлеровцев и залитая ими кровью Прага, еще ждала своего освобождения. Три советских фронта шли к ней по сближающимся направлениям, грома врага, добираясь до главной фашистской группировки — «Центр», отрезая предписанные ей возникшим на последней грани поражения фашистским «правительством» Деница пути отхода на запад, где они могли бы сдать куда более сговорчивым американцам. Решающим днем Пражской операции был день 8 мая, когда войска правого крыла Первого Украинского фронта, возглавляемого советским маршалом Иваном Коневым — его имя окружено в Карловых Варах особенным почетом, — сломили сопротивление врага на рубеже Рудных гор и вступили в Чехословакию. В этот день наши танкисты разгромили штаб группы армий «Центр», которой командовал немецкий фельдмаршал Фердинанд Шернер, — штаб этот как раз продвигался из Яромежа в Карловы Вары, к американцам... С Рудных гор, так хорошо видных из окон «Империала», и пришли в Карловы Вары потомки воинов русского фельдмаршала Барклая-де-Толли, добивавших здесь когда-то Наполеона. День 8 мая, когда Карловы Вары обнимали пропыленных в великом походе братьев-славян, празднуется с тех пор как день освобождения города.

Я встречался с людьми, которые помнят, какими оставили Карловы Вары вандалы в фашистских касках. Нина Влтавска, бывшая партизанская связная, рассказывает, что город был разграблен, стоял в развалинах, в грязи, в копоти, в зловонных нечистотах и трупах, ему грозили эпидемии... Демаркационная линия, разграничивавшая советские и американские войска, пролегалла так, что «Империал» отходил к первым, и в нем разместились советский госпиталь. Это был островок русской земли, с которого, как далеко на родине, нужно было счищать фашистскую скверну, восстано-

вливать порушенное... Нина Влтавска называет людей, которые все здесь начинали, среди них полковника-медика Пыльнова, главврача госпиталя. Она рассказывает о запомнившемся ей на всю жизнь старшине Артуре Герлчаняне. Она говорит: «Второго такого нет во всем мире...» Она вспоминает о Герое Советского Союза генерале Лавриненко, о Вере Федоровне Пересыпкиной, к которой так привязалась дочь... Это ее молодость, ее живая, чистая память, освещающая миловидное лицо, туманящая влагой глаза... Это — тот бедный май!

Но сейчас еще март... Мягкое солнце, сыроватый ветер наполнили чашу, в которой поместился город, неизъяснимым настроением какого-то чудесного ожидания. Сочатся влагой нависшие над улицами скалы, гудит, бьется в каменные берега поднятая тальми водами Тепла, сияют лепные фасады домов, а на откосе взгорья со светлосерой, с красными черепичными конусами башен, твердыней «Империаля», совсем как у нас в Подмоскowie, качаются и качаются, дымят и дымят лиловой весенней завязью высокие и тонкие березы. Во дворе «Империаля» набухают крупные почки огромных шарообразных кустов альпийских роз — скоро они обдадутся фиолетовым, красным, оранжевым цветом. Только и это будет в мае...

А сейчас март, и по тротуарам города, уже сухим, держась за руки, в строгом порядке гуляют стайки малышни детских садииков во главе с воспитательницами, напоминая чинное, друг за дружкой, шестие утят за озабоченной, остерегающе покрякивающей матерью. Иногда две стайки проходят в обходной видимости, иногда их оказывается три на каком-нибудь тихом перекрестке, и тогда женщины, прогуливающие ребятишек, начинают перебрасываться словами, непередаваемо красиво и мелодично, как-то по-славянски целомудренно растягивая окончания... Трудно отличить беседу женщин-чешек, если еще их собирается несколько, от пения — настолько благозвучен, музыкален чешский язык. При этом мне всегда вспоминается летняя рань за окнами «Империаля», когда тебя будит сладкогласная перекличка дроздов... «Вы слышали, как поют дрозды..» Вот они расселись на верхушках каштанов, на фонарных столбах, на остриях ограды открытых веранд, светящиеся в дремном солнце крупные черные птицы, и поют, перекликаются, как поют-перекликаются женщины-чешки в стройной гармонии счастливого мирного дня... Но и дрозды подадут голос в мае...

И все-таки — о чудо! — на зазеленевшей густым изумрудом лужайке газона вспыхнул крохотный цветок, хрупкая беленькая ромашка, — такие цветки пестрят на зеленых лужайках Московского Кремля, среди древних стен колокольни Ивана Великого и Успенского собора, у подножия мраморного изваяния Ленина... И вот уже могучий зов Родины наполнил тебе грудь сладко томящей бездонной глубиной...

И вот уже поезд, доставочно испытав твое терпение неторопливым бегом до нашей границы, до Бреста, как бы тоже обрадованный

встречей с родной землей, ворвался в равнины и леса Белоруссии. Здесь март наш, русский! От спящих по затвердевшему, потемневшему насту струек поземки, от ослепительно сверкающих куржаком деревьев, от перемещающихся в круговороте полей деревень с желтыми бревнами новых изб, с неприхотливо покрашенными синей краской дощатыми магазинами, с кирпичными звонницами церквушек, от пронсящихся вокзалов с женщинами и девушками в теплых пуховых платках на перронах, щемит и щемит сердце тихой ликующей болью: никакие красоты мира не оторвут тебя от этой земли. Она в тебе, как твоя кровь, без пульсации которой ты был бы бесплотной, никому не нужной личиной.

Густо-коричневый закат, какой бывает лишь в приближении весны, тлеет головней, осыпая на снег пепел, и в темноте, в отчетливых звонах вагонных буферов, в радиоголосах женщин-диспетчеров прошел огромный Минск, и ранним, сизоватым от морозца утром прошел Смоленск, и прошла Вязьма, и близилась Москва, когда вдруг с сомкнувшим тебе горло чувством ты подумал, что ведь вот откуда шли туда, до Берлина и до Праги, дорогой предков, утверждавших славу России на дальних материках, — от этих деревень, задавленных фашистским нашествием, засыпанных пеплом пожарищ, от этих древних русских городов, зиявших провалами обрушенных зданий.

Сколько жертв, какое величие души явлено миру.

И где-то далеко-далеко на узких улочках Карловых Вар поют-перекликаются гуляющие с детишками женщины, а на зеленой лужайке газона теплится, горит то ли цветок, то ли огонек, высветивший в тебе новую глубину любви к Отечеству.

Карловы Вары — Москва.

Михаил Николаевич ГОРБУНОВ

СТРАНИЦЫ ЛЮБВИ

Редактор **Е. Ф. Олейник**

Технический редактор **О. Н. Ласточкина**

Сдано в набор 18.02.86. Подписано к печати 28.04.86. А 00677. Формат $70 \times 108^{1/32}$. Бумага газетная. Гарнитура «Школьная». Офсетная печать. Усл. печ. л. 2,10. Учетно-изд. л. 3,05. Усл. кр.-отт. 2,28. Тираж 80 000. Изд. № 1064. Зак. № 2461. Цена 20 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.

ДЛЯ ВАС, КНИГОЛЮБЫ!

В книжных магазинах книготоргов и потребсоюзов Российской Федерации книги можно не только купить, но и приобрести их по выигрышным билетам Всероссийской книжной лотереи.

Стоимость билета — 25 копеек. Сумма выигрыша (50 копеек, 1, 3 и 5 рублей) указана на внутренней стороне запечатанного билета.

Вероятность выигрыша велика, так как из каждых 200 билетов — 69 выигрышных!

По выигрышным билетам можно приобрести любую книгу или другие печатные издания по своему выбору из наличного ассортимента книжного магазина или киоска.

Если сумма выигрыша меньше стоимости выбранной вами книги, можно произвести доплату наличными деньгами.

Прочитанные книги вы можете предложить книжным магазинам для повторной продажи. Этим вы окажете добрую услугу другим книголюбам.

Росглавкнига
Дирекция Всероссийской книжной лотереи